

A-162930

БИБЛИОТЕКА

ИМПЕРАТОРСКАГО

ГАТЧИНСК. НИКОЛАЕВСК. СИРОТСК.

ИНСТИТУТА

Шкапъ VI.

Полка 10.

№ 4.

7718.

6454

A-162930

9/20/43

ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ
МАЛОРОССІЮ ;

ИЗДАННОЕ

К. П. Шаликовъ мѣ.

Кто еще не запершѣ въ клѣшку —
кто можешѣ, подобно пшич-
камѣ небеснымѣ, бышѣ здѣсь и
тамѣ, и тамѣ и здѣсь — тошѣ
можешѣ еще наслаждашѣся бы-
шїемѣ своимѣ, и можешѣ бышѣ
щаспливѣ, и долженѣ бышѣ
щаспливѣ,

Карамзинѣ.

МОСКВА, 1805.

у Дюби, Гаріа и Попова.

Съ дозволенія Универси-
тетскаго Цензора.

210293a

Любезнымъ сердцу,
моему,
Андрейскому, Бяну,
Тшеу.

Примите, милые мои, искренное доказательство того, что вы занимаете во всякомъ слугаѣ мысли и чувства мои; что безъ васъ нѣтъ для меня полного наслажденія; что сердце мое имѣетъ всегда потребность въ вашемъ соугасіи! . .

Путешествіе мое не напоминаетъ вамъ ни Стерна, ни Дюпаши, ни Карамзина, ни Измайлова — большое разстояніе! — но вы найдете въ немъ вашего друга съ пламенною

любовью къ вамъ и , можетъ
быть, съ нѣкоторыми новыми
мыслями , съ нѣкоторыми за-
мѣтательными чувствами; мо-
жетъ быть съ вами и другіе
что нибудь найдутъ въ немъ.

Сердца , образованныя для
чувствительности , находятъ
подъ перьями ея самую бездѣл-
ку пріятностию и нагасъ за-
бываютъ о талантѣ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ семъ путешествіи нѣтъ ни Сипариспическихъ, ни Географическихъ описаній: одни впечатлѣнія Путешественника описаны въ немъ . . . не блестящею кистію — нѣтъ! но скромнымъ карандашемъ.

„На чтожъ издавать его?“ Отвѣтъ на это почти уже есть: сердца, образованныя для чувствительности, находятъ подъ летатью ея самую бездѣлку пріятностію и нагасъ забываютъ о талантѣ (*).

(*) См. предыдущую страницу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Спран.
I.	Выздѣ.	1
II.	Разсужденіе.	4
III.	Встрѣча.	10
IV.	Другъ.	16
V.	Торжество невинности.	19
VI.	Буря.	26
VII.	Усыновленіе.	30
VIII.	Кофе.	35
IX.	Сладкія воспомина- нія.	40
X.	Общество.	43
XI.	Весна.	53
XII.	Горестный образъ.	62
XIII.	Манускриптъ.	64
XIV.	Угощеніе.	74
XV.	Любимецъ форту- ны.	87

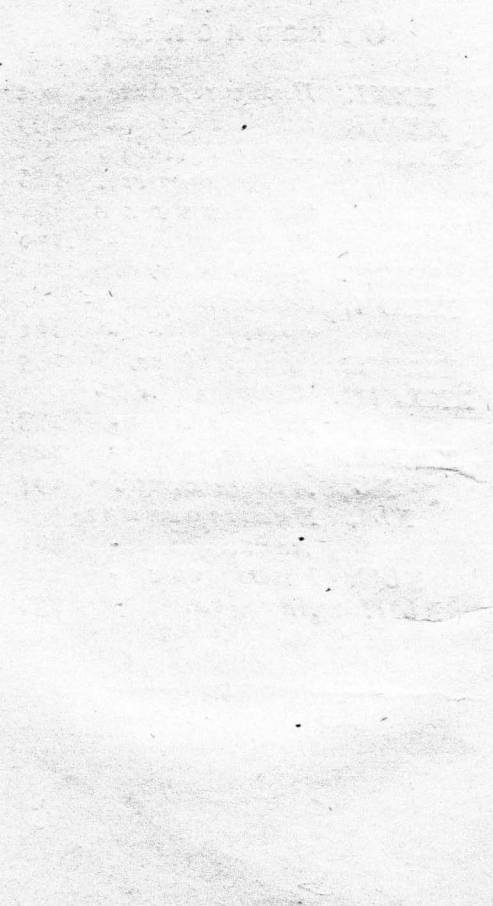
Оглавленіе.

	Стран.
XVI. Непріятность.	93
XVII. Полтавское по- лѣ. - -	97
XVIII. Скворецъ. -	101
XIX. Днѣпръ. -	104
XX. Могила друга.	109
XXI. Яковъ садовникъ.	115
XXII. Ничтожность человѣческая. -	121
XXIII. Физиономія. -	125
XXIV. Слѣды Петра Великаго. -	129
XXV. Обязанность стихотворца. -	132
XXVI. Послѣдній взглядъ на Днѣпръ. -	116
XXVII. Рѣдкое безко- рыстіе. -	138
XXVIII. Еще взглядъ на Полтаву. -	141
XXIX. Необъясненна рѣшительность.	146
XXX. Монастырь. -	150

Оглавленіе.

Спрын.

XXXI.	Письма друзей.	164
XXXII.	Новой Тимонь.	159
XXXIII.	Лѣтній вечеръ въ Малороссіи.	166
XXXIV.	Оттѣнокъ Швейцаріи.	- 170
XXXV.	Новое сравненіе.	176
XXXVI.	Сельской празд- никъ.	- 181
XXXVII.	Фортепіано.	185
XXXVIII.	Островъ люб- ви.	- 188
XXXIX.	Чтеніе.	- 129
XL.	Любопытство.	197
XLI.	Екатерининъ- даръ.	- 201
XLII.	Разставаніе.	- 214
XLIII.	Находка.	- 232

ПУТЕШЕСТВІЕ

вЪ

МАЛОРОССІЮ.

I.

ВЫЪЗДЪ.

Changeons de lieu pour nous défaire du temps (*) — ска- залъ я съ Реньярдомъ украд- кою опъ самого себя . . . Чув- ствую всю несправедливостъ свою . . . Ахъ! чѣмъ винова- то бѣдное время? . . . Жа- луемся на него; ищемъ убить его, какъ люшѣйшаго врага

А

(*) Перемѣнимъ мѣсто, чшобъ избавишься опъ времени.

нашего, и . . . ужасаемся бы-
спраго его полета; ужасаем-
ся *последняго* шума крыль
его для насъ; — хватаемся
за нихъ, чшобъ удержашь
милаго непріяшеля; умоляемъ
его помириться съ нами,
остаться друзьями — поз-
дно! Раздраженный другъ —
копорой казался, по безумію
нашему, злодѣемъ намъ —
оставляетъ насъ! — — —
Проспи мнѣ, безцѣнное вре-
мя! . . . И вы, безцѣнные
друзья мои, съ копорыми
душа моя наслаждалась всею
полнотою чувствѣ своихъ! . .
и вы, милья *Армиды*, съ
копорыми сердце мое забывало
всѣ, кромѣ шасшя, просшите
мнѣ! Благодарность моя къ

вамъ неизбъяснима — безконечна;
но человѣкъ такъ чуденъ!!

Ничего нѣтъ тяжелѣе
слова *прости*, когда надобно
сказать его любезнымъ серд-
цу нашему; по крайней мѣрѣ
я никогда не могу выгово-
рить его безъ мучительнаго
движенія души моей. — И
такъ, вы знаете теперь,
милые мои! для чего я *не*
простился съ вами. — „Будь-
те благополучны!“ сказалъ
я въ глубинѣ моего сердца;
сѣлъ въ кибитку — и про-
зительной колокольчикъ раз-
дался въ слухъ моему, кото-
рой нѣжился прежде сладо-
спнѣйшими въ свѣтѣ тона-
ми голоса милой С***!...
Какая розница!

II.

РАЗСУЖДЕНІЕ.

Жизнь наша похожа на нѣ-
которое пространство поля: —
дороги, пески, болото, ку-
старники и вообще такъ на-
зываемыя *неудобныя мѣста*
оснавлиющъ на немъ очень
не много такой земли, ко-
торая можетъ произвести
полезное или пріятное ра-
стѣніе. — Самая долгая жизнь
— ежели вычтете изъ нее
скуку, заботы, печаль, бо-
лѣзни — останется очень не
великой счотъ жизни. Я не
говорю еще о извѣстныхъ
справахъ, которыя всего

болѣе сокращающѣ крапкую
жизнь нашу . . . Явится Пар-
ка съ *расходомъ* и — *тикъ* па-
упинную нить бытія нашего
тогда, когда мы думали,
что лишь только начинаеш-
ся бытіе наше (*)! —

Не успѣло воображеніе
мое наспроишь, или только
начерпиль планъ для зам-
ковъ *будущихъ удовольствій*,
какъ сердце мое спѣснилось,
запосковало; слезы заструи-
лись въ глазахъ моихъ: я
былъ достоинъ сожалѣнія. —
„Что этому причиной?“ —
Грустно, распавшись съ тѣ-

(*) См. въ четвертой книжкѣ
Вѣстника Европы піесу: *ка-
кой день!* . . . и какая піеса!

ми людьми, которыхъ видѣлъ я почти всякой день; грустно, оставя то мѣсто, гдѣ жилъ я нѣсколько лѣтъ почти безъ выѣзда — грустно, очень грустно! — „Но я ѣду не за моря, не на цѣлые годы“ — подумалъ я — и ободрился.

Воображеніе, раздѣляющее всегда *обстоятельства* сердца, спало однакожь какъ-то боясья того будущаго, которое расписывало оно за минушу прежде самыми привлекательными красками. — „Въ человѣческой напурѣ“ — говоритъ славный, любезный нашъ Путешественникъ (*) — „есть двѣ прошивныя склон-

(*) Карамзинъ.

носпи: одна влечетъ сердце наше всегда къ новымъ предметамъ, а другая привязываетъ насъ къ старымъ; одну называютъ *нелюбимствомъ*, любовью къ новостямъ, а другую *привычкою*. Мы скучаемъ единообразіемъ и желаемъ переменъ; однакожь распаваясь съ тѣмъ, къ чему душа привыкла, чувствуемъ горесъ и сожалѣніе. Щастливъ тотъ, въ комъ сіи двѣ склонности равно сильны! Но въ комъ одна другую перевѣситъ, тотъ будетъ или вѣчнымъ бродягою, вѣтреннымъ, безпокойнымъ, мѣлкимъ въ духѣ; или холоднымъ, лѣнивымъ, нечувствительнымъ. Одинъ, перебѣгая безпрестанно отъ

предмета къ предмету, не можешь ни во что углубиться, дѣлается разсѣяннымъ, и лишается *энергїи* въ ощущенїяхъ; другой, видя и слыша всегда *то же да то же*, грубѣетъ въ чувствахъ и наконецъ засыпаетъ душою. Такимъ образомъ сїи двѣ крайности сближаются, по тому, что и та и другая ослабляютъ въ насъ душевныя дѣйствїя.“

Тонкое, глубокое наблюденїе, котораго истину познаю нѣсколько собственнымъ опытомъ!.. Признаюсь, друзья мои, что я начиналъ скучать *единообразїемъ* и желалъ *перемѣнъ*; но расставаясь съ нѣмъ, къ тому душа привыкла, чув-

спвую горестъ и сожалѣнїе . . .
Да сохранишь меня Небо отъ
двухъ сихъ крайностей , въ
копрыхъ человекъ теряетъ
возможность счастья !

III.

ВСТРѢЧА.

Чтобы узнать всю живость своихъ чувствованій — надо по путешествовать! Обстоятельство, почти ничего не значущее въ другомъ случаѣ, въ путешествіи можетъ быть весьма пріятно, интересно. Отъ чего это? не отъ того ли, что — будемъ искренны — въ дорогѣ всегда, болѣе или менѣе, скучно; что взоръ и мысли наши по этой самой причинѣ ищутъ съ жаромъ какого нибудь для себя предмета, ко всему внимательны; готовы всѣмъ заняться, интересоваться — и радуясь, такъ сказать, всякой *встрѣтѣ*.

Я также сердечно обра-
довался одной, совсѣмъ не-
ожидаемой встрѣчѣ, всходя
шумными шагами на лѣспни-
цу пракира въ городѣ Т*. —
„Чей ты человекъ?“ спро-
силъ я у стоявшаго подлѣ
лѣспницы лакея — и улыб-
нулся отъ удовольствія, уз-
навъ, кто господинъ его. —
„Гдѣ онъ?“ — Стоить въ
эпомѣ пракирѣ, но его
нѣтъ дома; скоро будетъ, и
мы сей часъ ѣдемъ. — „Ку-
да?“ — Въ деревню — до-
мой. — Удовольствіе мое
умножилось, когда я узналъ,
что онъ ѣдетъ въ одну сше-
рону со мною. — Приказавъ
слугѣ сказать господину сво-
ему обо мнѣ, я вошелъ въ

комнашу, спросилъ чаю, закурилъ трубку, подгорюнился и кинулся въ мечшы.

Вдругъ отворяется дверь — и П* передо мною. „Пріяшняя нечаянность!“ сказали мы въ одинъ голосъ, и обнялись съ чувствомъ. — Мы свидывались *негажно* съ нимъ и въ Москвѣ; но никогда, думаю, съ обѣихъ сторонъ, свиданіе наше не было такъ пылко.

Онъ спѣшилъ разсказать мнѣ о своемъ времяпровожденіи въ семъ городѣ (гдѣ прожилъ онъ нѣсколько недѣль), о балахъ, о собраніяхъ, о своихъ удовольствіяхъ и проч. и проч. — Я спѣшилъ ему сказать о своемъ путешествіи, о планѣ его, объ ожидаемыхъ пріяшностяхъ и

проч. — Между тѣмъ все было готово къ нашему отъѣзду. Мы ѣхали въ одну сторону, въ одно время и — слѣдственно — сѣли въ одномъ экипажѣ, сѣли и начали снова бесѣду.

Разговоръ нашъ скоро обратился къ обществу Т*. Пріятель мой хвалилъ его съ жаромъ; говорилъ много пріятнаго, прогашельнаго о Губернаторѣ, котораго благородная, великодушная ревность къ истинной славѣ и пользѣ дворянства сдѣлаетъ извѣстнымъ попеченіемъ, такъ какъ сдѣлала извѣстнымъ для современниковъ (*); говорилъ — *сomme de raison* — о Дамахъ, говорилъ съ чувствомъ, поч-

(*) Кто не знаетъ изъ соотечественниковъ предшавеля о

пи съ воспоргомъ, и чипалъ
наизустъ въ честь имъ спи-
хи свои. Я замѣпилъ въ нихъ
одну, по моему мнѣнію, ги-
перболу: Авторъ называетъ
Т* *храмомъ красоты*: это нѣ-
что чрезвычайное! . . . Ахъ!
какъ бы я хотѣлъ побывать
въ этомъ храмѣ! . . . Но — не
довольно ли *одной* красавицы,
или копорая кажется намъ
такою, то есть милой сер-
дцу — чтобы называли
или находили *храмомъ кра-*

заведеніи Александровскаго дво-
рянскаго училища въ Ту-
лѣ? — Какъ прогашельна над-
пись къ сему училищу!

„На прагъ лишь ступишь сей,
неопышный пленецъ!

„Скажи въ душѣ твоей: мнѣ
АЛЕКСАНДРЪ Отецъ!“

соты по мѣсто, гдѣ видимъ ее? . . . Конечно довольно: глаза и воображеніе заняты въ такомъ случаѣ *однимъ* предметомъ — наполняющимъ всю вселенную . . . Извини меня, любезный П*! шутъ нѣтъ и не можетъ быть никакой гиперболы. — Онъ премолвилъ въ заключеніе, что одна изъ Нимфъ сего новаго Книда замѣшила по же и сказала ему, что *безъ сомнѣнія* какой нибудь одной щастливщицѣ между ими обязаны онѣ славою . . . Но пріятель мой ни ей, ни мнѣ не хотѣлъ прямо признаться.

Мы ѣхали часовъ десять вмѣстѣ, и распались съ живѣйшимъ сожалѣніемъ.

IV.

Д Р У Г Ъ.

„МЫ живемъ въ печальномъ
„мїрѣ, но кто имѣешь друга,
„поишь пади на колѣна и благо-
„дари Вездѣсущаго!“

Карамзинъ.

Падаю на колѣна предъ
Вездѣсущимъ, и еиміямъ благо-
дарности возжигаю въ сердцѣ
мгемъ! — Ахъ! какой даръ
для человѣка дружба! какое
благо для него другъ! . .
Горе, горе тому, кто одинъ
въ мїрѣ — въ семъ печаль-
номъ, слезномъ мїрѣ! . . Оп-
вращаю взоръ мой опъ не-
щасливца сего, и предаюсь
щаснїю души моей.

Вы, которые удостоены Судьбою блаженства дружбы! вы не испытали еще его во всей силѣ наслажденія, ежели не бросались *негажно* въ объятія ея! . . . Какія минуты! . . . Удивленіе, замѣшательство, безмолвіе, сомнѣніе — все это имѣетъ безчисленность неизбъяснимыхъ пріятностей.

Мой А*, другъ моего сердца, живетъ на дорогѣ, проѣзжаемой мною. Онъ ничего не зналъ о пупешествіи моемъ: я заговорилъ для него и для себя радость неожиданнаго свиданія. — Долго милой другъ мой не вѣрилъ ни глазамъ, ни сердцу своему. — „Мечта, привидѣніе!“ повто-

рялъ онъ нѣсколько разъ , и не прогался почти съ мѣста. Наконецъ . . . кто можешь описывать такія положенія !

Два дни прожилъ я въ Аркадіи, въ поляхъ Елисейскихъ — въ семействѣ друга. — Всѣ родные его, добрые пріятели, живущіе въ одномъ мѣстѣ съ нимъ, сѣхались *посмотрѣть*, казалось мнѣ, на физіономію дружбы, *слушаютъ* языка ея и, если можно, *раздѣлить* ея удовольствіе.

V.

ТОРЖЕСТВО НЕВИННОСТИ.

Между прочими госпями моего друга была одна молодая замужняя женщина, родственница его, которая скромною привлекательностію милой наружности и пріятнаго тона, заняла вниманіе мое, и которая своею исторією можетъ занять ваше, чувствительные друзья мои!

„Около шѣхъ лѣтъ“ — говорилъ мнѣ другъ мой, „когда развивающіяся способности ума и сердца въ дѣвущкѣ, нравственное ея воспитаніе было прудомъ вошчима ея — умнаго, добраго,

молодаго челоуѣка , за копо-
раго мапѣ ея вышла скоро
по поперн перваго своего
мужа.

„Любезныя, милыя свой-
спва дочери привязали къ
ней втораго ошца ея съ пою
нѣжноспію , съ пою горячно-
спію, копорая принадлежишь
полько чувспвышельному сер-
дцу. Сладкая мысль : я за-
стулаю священное мѣсто ошца;
мнѣ поручено Судьбою образо-
вать нѣжнѣйшее твореніе при-
роды, заняла всю душу его —
и новая Джербинсь сдѣлалась
всего ближе къ сердцу новаго
Грандиссона.

„Онѣ любилѣ чпеніе ,
зналѣ много и писалѣ не дур-
но. — Возбудилѣ любопыш-

ство ума, чувствительность сердца въ милой своей воспитанницѣ, было первымъ дѣломъ его — и лучшіе романы“ . . . „Романы?“ перервалъ я слова друга моего . . . „Такъ точно — отвѣчалъ онъ: эпопѣя человѣкъ ожидалъ отъ романовъ совсѣмъ прошивнаго дѣйствія тому, которое приписываютъ имъ — и не ошибся. — Лучшіе романы (продолжалъ другъ мой) были ея чтеніемъ. Природной умъ и чувствительность ея нашли въ нихъ пріятную занимательность, которая заставила ее полюбить чтеніе — слѣдствіе, желаемое ея нѣжнымъ другомъ.

„Чтобы сказать все однимъ словомъ, по новой Грандиссонъ нашъ пользовался всѣми дарованіями Жан-Жаковъ, Локковъ, Сократовъ, для образованія души и сердца безцѣнной своей Джервинсъ, которая, составляя собственное свое щастіе, составила бы щастіе будущаго своего супруга.

„Его нѣжная любовь, дружба, ласки, спарашельность доставить ей разныя пріятности, удовольствія, возбудили къ нему въ юномъ сердцѣ ея всю нѣжность любви и дружбы, самой чистой, самой непорочной.

„Но ядъ злобы человѣческой изливается на самую

добродѣтель, на самую свя-
тыню! — Мрачной, крова-
вой взоръ ея спалъ смотрѣнь
на поспупки отца и дочери
(они могли носить имена сїи по
всей справедливости) инымъ
образомъ — и ужаснѣйшая
клевета доходилъ до слуха
матери, которая, какъ *обык-*
новенная женщина, взяла по-
дозрѣнїе: каждой шагъ, каж-
дое слово были замѣчаемы, и
возрастающая, можно ска-
зать, съ обѣихъ сторонъ нѣж-
ность пишала, усиливала его.

„Но рокъ хотѣлъ страш-
наго удара невинности! Не-
запная болѣзнь любезной дѣ-
вушки сдѣлалась доказатель-
ствомъ противъ ея непороч-
ности; — пораженная, ош-

чаянная мать требовала признанія, — не было никакова способа разувѣрить ее — и невинная призналась въ преступленіи. — „Кто привелъ тебя въ искушеніе, несчастная?“ — „Папинька“ — сказала (несчастливая въ самомъ дѣлѣ!) почти безъ памяти.

„Можно вообразить все слѣдствіе такого случая; всю горесть, всю тоску бѣдной, чувствительной дѣвушки.

„Нѣжный, истинный отецъ ея, узнавъ объ этомъ, прежде всего спрашиваетъ у милой дочери, для чего она сказала столь ужасную неправду? — „Чтобы перервать мучительныя маминь-

кины допросы“ — отвѣчаетъ она: „а вы всегда въ мысляхъ — на языкѣ моемъ.“ — Подумавъ немного, онъ понималъ, что невинность спокойно и безъ разбора беретъ на себя пресупленіе. Зная нравъ жены своей, онъ рѣшился молчать и ожидать опъ времени развязки горестной драмы.

„И время, на зло року, захопѣло ускорить ожидаемую развязку. Является женихъ для нашей героини, молодой, любезной человекъ; нравится матери, опцу, ей — и черезъ нѣсколько дней женихъ становится супругомъ.“

„Горестъ матери, при- скорбіе опца, печаль дочери —

все исчезло въ одно мгновеніе при благодарномъ, радостномъ взорѣ щасливаго супруга Невинность воспоржесшвовала! — Милая, интересная женщина сія старалась позабыть несправедливость матери своей, которая съ своей стороны напурально мучилась стыдомъ передъ нею и мужемъ своимъ. Но радость скоро заглаживаетъ слѣды горести — и любезное семейство наслаждается щастіемъ добродѣтели.“

VI.

Б У Р Я.

Ничего нѣтъ пошнѣе, какъ въ кропкомъ весеннемъ мѣсяцѣ свирѣпая осенняя погода! Тогда, какъ воображеніе и сердце ваше готово раздвѣстись вмѣстѣ съ природою; когда нетерпѣливые взоры ваши ищутъ зелѣнинькой травки, голубова или желпинькова цвѣточка; когда напряженный слухъ вашъ прислушивается къ пѣнію жаворонка, къ шопоту Зефира — вдругъ пронзительной свистѣ Аквилоновъ, страшной ревѣ Борея заглушаютъ васъ; порывистый снѣгъ накидываетъ

енова бѣлое печальное покрывало на всѣ предметы; стужа заспавляетъ васъ прятаться! несносное превращеніе! . . . Вамъ кажется, что какой нибудь злой духъ перенесъ васъ въ одну секунду изъ очаровательныхъ чертоговъ любезной Всевѣды въ ужасныя степи мрачной Сибири Все это точно такимъ образомъ случилось со мною въ дорогѣ. Я грустилъ, спрашивалъ поминутно, далеко ли до спанціи и не надѣялся достигнуть мирной пристани.

Ахъ! какъ бѣденъ человекъ! одна переменна въ атмосферѣ можетъ сдѣлать его счастливымъ или неща-

спнымъ! Какъ малъ эшотъ
гордой исполинъ передъ вели-
коснѣю Напурю! Нѣжная мать
сія, наморщивъ чело съ яроснію
грозной мачихи,дохнешъ сви-
рѣпостію — и избалованной
сынъ ея чувствуемъ всю
ничтожность свою; огляды-
ваешся туда, сюда — нѣтъ
помощи, нѣтъ спасенія — без-
дна у ногъ его! — — —

Кибитка моя вдругъ
основановилась. — „Выходите“
сказалъ мнѣ Лафлёръ мой —
и я въ теплой избѣ!.. quel
bonheur!.. Сажей покрыва
спѣны ея показались мнѣ въ
Гобелинскихъ обояхъ.

VII.

УСЫНОВЛЕНІЕ.

Une nuance de sentiment me frappe & m'attache plus que tous les Panthéons & toutes les colonnes Trajan-nes.

Le Voyageur sentimental.

Буря продолжалась — Ъхашь не лзя было никакъ — не-носная скука! — „Эпо сынъ швой? эпо швои внуки?“ спросилъ я у старика съ сѣ-дою бородою, котораго окру-жали взрослые и дѣши, жен-щины и мущины. — „Никакъ нѣшъ, опвѣчалъ почтенный старецъ: но я имъ опецъ“... Загадка! . . и прежде, неже-ли я спросилъ его еще, онъ спалъ изъяснять инпересную

для меня тайну. — „Я имѣлъ, говорилъ онъ, дѣшей, но Богу угодно было взять ихъ назадъ. Братъ мой, у копо-раго полна изба ихъ, позвалъ меня крестить эпова: (указывая на дороднаго, молодаго крестьянина). Опдай мнѣ его, сказалъ я брату. Братъ согласился. Богъ послалъ мнѣ щастіе: взраспишь крестника моего; я женилъ его; теперь онъ хозяинъ всего моего имущества, а я при спароси: моей имѣю также — какъ видите — полную избу ребя-шишекъ.“

Я посмотрѣлъ въ глаза каждаго изъ любезной семьи эпой, и мнѣ показалось, что

въ глазахъ каждого сіяло сердечное удовольствіе . . .

Ахъ! въ низкомъ сослоянїи во сто разъ лучше уважающъ, лучше чувствуютъ всѣ связи сердца, всѣ обязанности человѣка! — Грубая его наружность заставляешъ насъ думать, что никакое нѣжное чувство не извѣстно тамъ, — тогда, какъ подъ блескомъ нашей мы воображаемъ обладать всѣми добродѣтелями. Какая ошибка въ одномъ и другомъ! какъ мы обманываемся!.. наши добродѣтели — на однихъ словахъ, — прекрасныхъ, сладкихъ — и только!

Загляните подъ бѣдныя соломенныя кровли, и вы удо-

сповѣритесь въ сей истинѣ, осыпанные дарами фортуны эгоисты! Но возьмете ли вы на себя такое безпокойство — не ожидаю! Напомню только вамъ, что золотомъ залитые Швейцары ваши не откажутъ — такъ какъ обыкновенно отказываютъ смиренной бѣдности — не откажутъ страшному скелету, копорой найдете васъ въ святилицѣ вашего наслажденія, и неоправимый ударъ косы его повергнетъ васъ съ парчеватаго ложа! . . . — Какъ ужасно закрывать глаза навѣки безъ усладительной мысли: *я жилъ не безполезно!*

„Погода не много утихла,“ сказалъ мнѣ Лафлёръ

мой. Поѣдемъ, сказалъ я —
и съ распроганными чувствами
сѣлъ въ движущійся ка-
бинетъ мой; думалъ — ме-
чталъ — сочинялъ и — за-
снулъ.

VIII.

К О Ф Е.

Спросите у меня, что болѣе всего ласкаетъ вкусу? Опывшиспвую: хорошей кофе послѣ хорошаго моцѳона. — Божественный нектаръ! ты усладилъ вкусъ мой, обоняніе и освѣжилъ силы моего духа!

Почтовой дворъ въ С* (*) оспанется надолго въ моей памяти!... „Прикажете принять?“ подошедъ къ столику, спрашиваетъ у меня чернобровая дѣвушка, когда

(*) Первое Малороссійское мѣсечко на моей дорогѣ.

я, выпивъ третью чашку, барабанилъ пальцами по подносу. Я узналъ въ ней Гебу мою, на которую прежде едва взглянуть хошѣлось — узналъ и захошѣлъ . . . поговорить съ нею. — Воображеніе мое сдѣлалось свѣтло; сердце чувствовало пріятное движеніе . . . Я бы не осмѣлился конечно спросить у *Канта* — но спрашиваю у самого себя: отъ чего за нѣсколько минутъ душа моя была мрачна, уныла, и вдругъ лучъ удовольствія озарилъ ее? Могло ли *независимаго, простаго, несложнаго* существа сего, по естѣ, души моей щастіе зависѣть отъ чашки кофе, отъ теплоты

желудка, отъ пріятности
вкуса? . . . Чувствую, что
вопросы мои слишкомъ про-
спосердечны, слыжусь ихъ —
но кпо не достигаетъ Кан-
товой мудрости, тому всего
натуральнѣе такіе вопросы! . .
Не извиняють ли дѣшеі въ
лелетаніи ихъ? . . . И великій
Кантъ проситъ конечно ма-
ленькому умствования . . .
Дхъ! что я для него! . . .

Любезной мой Б*! вспо-
мни жаркіе ученые диспушы
наши съ милыми нашими
противниками — диспушы,
въ копорыхъ я съ тобою былъ
всегда, во всемъ согласенъ.
Не смотря на нѣкоторыя
прискорбія самолюбія (*),

(*) Шутка.

воспоминаніе объ нихъ пріятно для меня — можешь быть отъ того, что они напоминаютъ пріятное время. — Чего не украситъ, не сдѣлаетъ интереснымъ милая, искренняя дружба! . . . Ахъ! есѣли бы кофе мой былъ содержаніемъ новыхъ диспутовъ въ полномъ собраніи старыхъ схоластиковъ — друзей!

„Очень благодаренъ за кофе“ — сказалъ я милостивой, смуглой Гебъ: „ты сама его варила?“ — Я, сударь. — „Какая мастерица! я думаю, ты во всемъ мастерица — на примѣръ: въ ласкахъ къ милому своему.“ — Нужная улыбка съ нужнымъ румянцемъ придали огня чер-

нымъ, маслянымъ глазамъ
моей Гебы. — „Вѣрно умѣешь
ощаспливить любезнаго (про-
должалъ я) — твои глаза
ручаются за это.“ — *У меня
нѣтъ его; а естъли бы былъ,
то конетно . . .* Не договорила,
разсмѣялась, взяла подносъ
съ чайнымъ приборомъ и,
сдѣлавъ пріятный поклонъ,
скрылась. — Милая Малорос-
сiянка привела мнѣ на па-
мять милую Англичанку
Софію (*). „Малороссiянка
и Англичанка!“ чему уди-
вляться: онѣ обѣ одной ма-
тери — Природы.

(*) См. въ VI Части Писемъ
Рускаго Путешественника,
Дондонъ, стран. 239.

ІХ.

СЛАДКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

„Здравствуй, любезная!“ швердилъ я съ восхищеніемъ любовника, увидѣвъ *Малороссію*. Глаза мои не могли на любовашься выбѣленными избами, опрятною одеждою обиташелей ихъ; ласковымъ, милымъ взглядомъ прекрасныхъ здѣшнихъ женщинъ и проч.

Какъ пріятны сердцу нашему тѣ предметы, которые напоминають намъ юность нашу! какъ любезны, сладки мыслямъ тѣ впечатлѣнія, копорыя принимала душа наша при первыхъ развишїяхъ

способностей своих! . . . Рас-
троганное мое воображеніе
сбирало каждое обстоятель-
ство, по чему нибудь милое
воспоминанію; каждое чувство,
оставшееся въ сердцѣ; каж-
дую идею, оставшуюся въ
душѣ — сбирало, сославля-
ло — что? назвать не умѣю,
но что душѣ и сердцу было
пріятнѣе всего на свѣтѣ.

Милая, безцѣнная Мало-
россія! подѣ твоимъ крош-
кимъ, яснымъ небомъ пипа-
лась душа моя и сердце пер-
выми сладостями любви и
дружбы; съ твоимъ благодѣ-
тельнымъ воздухомъ вливалась
въ грудь мою чувствитель-
ность и спраси — спраси,
копорымъ человекѣ обязанѣ

всѣмъ величіемъ своимъ, безъ
копорохъ нѣтъ ни щасія,
ни добродѣтели; — швоя пре-
красная природа воспламени-
ла воображеніе мое, научила
любить Природу, научила
быть съ самимъ собою, на-
учила плѣняться прелестями
ума, прелестями Грацій,
научила — щасію!

Привѣтствую тебя, лю-
безная! и сіи слезы, лїющіяся
по лицу моему, есть дань
благодарнаго сердца моего —
швоимъ благодареніямъ!

Х.

О Б Щ Е С Т В О .

Наконецъ я соединился съ тѣмъ обществомъ, котораго имѣю удовольствіе быть членомъ, и отъ котораго отдѣлился я на нѣкоторое время. Оно состоитъ — не изъ Профессоровъ, не изъ Авторовъ — а изъ трехъ милыхъ женщинъ и одного любезнаго молодого человѣка!... Признаюсь, что для самолюбія пріятнѣе быть Членомъ ученой Академіи, но для сердца милѣе быть членомъ въ кругу любезныхъ женщинъ... Оставляю славу — вѣнки — шила умамъ често-

любивымъ : я доволенъ незабудкою изъ нѣжной руки Граціи !

Мирное село долженствуешь быть пребываніемъ нашимъ на нѣкоторое время, и щастливое его спокойствіе отдохновеніемъ до новаго странствованія нашего всѣмъ обществу.

Еще живописная весна не разогрѣла воздуха — хотя уже въ благословенной странѣ сей тепло довольно ; еще Природа не одѣлась въ торжественную одежду — хотя сняла уже съ себя печальное бѣлое покрывало ; еще пернатые пѣвцы ея не составили громкихъ своихъ концертовъ — хотя уже шамъ и сямъ слы-

шны благодарные гимны ихъ; еще не лѣзя гулять по лугамъ и рощамъ, не лѣзя наслаждаться всѣми удовольствіями щедрой Природы — хопя здѣшній Мартъ не хуже Сѣвернаго Мая. Что же дѣлать? надобно искать удовольствій въ комнаѣ, и — садимся въ кружокъ: шить, вязать, чашать, говорить, смѣяться. — Дамы мои любящъ спрашно спрашны стихи; я также люблю ихъ — и К*, Д*, не выходятъ изъ рукъ моихъ. Чашаю съ жаромъ, съ воспоргомъ — и чувствительныя слушательницы мои восхищаются душою, воспаменяются воображеніемъ.

Иногда важныя идеи, глубокия разсужденія занимають насъ, и мы философствуемъ. Какъ пріятно философствоватьъ съ женщинами! — не по тому, что легко быть Сократомъ или Платономъ съ ними — отнюдь нѣтъ: а по тому, что разумъ нашъ и сердце подлѣ нихъ *свѣжѣе, цвѣтущѣе* — иначе не умѣю изъясниться: кто былъ на моемъ мѣстѣ, тотъ пойметъ меня!

Однажды говорили о *щастіи* — разговоръ этотъ остался въ памяти моей. — „Кто щасливъ и кто нещасливъ?“ спросила одна изъ *Аслазій* моихъ: надобно было отвѣчать; жребій палъ на

меня. — „Думаю, щаспливѣ
только тошѣ (сказалъ я),
кто не пренебрегаетъ ща-
спія.“ — *Изъяснитесь.* — „Из-
вольте: для истиннаго ща-
спія, по моему мнѣнію, ни-
чего инаго не надобно, какъ
здравой разумъ и неиспор-
ченное сердце. Ежели вы при
всякомъ взорѣ на положеніе
ваше будете разбирать, сра-
внивать, взвѣшивать; ежели
при всякомъ случаѣ къ до-
брому дѣлу будете спарашь-
ся воспользоваться имъ —
то въ спокойномъ, въ избы-
точномъ состояніи увидите
преимущества свои; въ за-
ботномъ, въ недостаточномъ
найдете для себя упѣшеніе, —
то въ забавахъ, въ наслаж-

деніяхъ сердце ваше будетъ чувствовашъ живѣе, полнѣе; въ прискорбіяхъ, въ горестяхъ будетъ бодрствениѣе, сильнѣе. И такъ, у кого разумокъ и сердце не безъ должнаго имъ дѣла; къмъ не забышы, такъ сказать, не пренебрежены они, тошъ знаетъ, въ чемъ состоитъ таинство, называемое счастьемъ, гдѣ спряшанъ волшебный ключъ къ нему . . . Онъ не пойдетъ изъ дому искать его; не будетъ имъ обязанъ сосѣду своему: онъ найдетъ его — въ себѣ. “

Но болѣзни, но сильныя горести, но людская злоба?

„Вы хотите совершенства, избѣгающія всѣхъ золъ: совер-

шенство принадлежишь только Одному; зло есть и въ самой природѣ. Чего не могла опровергнуть сильная рука матери, должно ли слабымъ дѣтямъ надрываться надъ шѣмъ? Я указалъ вамъ на возможность челоѣческаго счастья; а что предоставлено Ангеламъ, того желать безразсудно. — Не смѣшно ли почипать себя голоднымъ для того, что не шѣмъ, а другимъ блюдомъ насытился я? Хорошее кушанье усладило бы болѣе вкусъ мой, конечно; но я сытъ — какъ же мнѣ посковать, подобно спраждущему голодомъ? Люди, всегда не довольные своимъ, не то ли дѣлають? “

Много еще говорено было pour и contre моего мнѣнія — но разсужденія наши сошлись какъ — по въ одну точку и кончились общимъ согласіемъ.

Ахъ! въ самое то время, когда талисманъ щасія въ рукахъ моихъ; когда дѣлюсь имъ съ другими — томной вздохъ вырывается изъ утробы моего сердца; слезы заспилаютъ глаза мои . . . меланхолія, старая подруга души моей!

Гдѣ Амуровы стрѣлы не ранятъ сердець? гдѣ любовь всемогущая не имѣетъ прона и олтарей? гдѣ волшебная симпатія не дѣйствуетъ надъ

душами? гдѣ люди съ кам-
немъ въ груди?.. И въ нашъ
кругъ залетѣла спрѣлка рѣз-
ваго малюпки; и изъ нашего
общества сдѣлали поклоненіе
богини вселенной; и между
нами почувствовали магиче-
ское прикосновеніе милой
Феи.... Явился *Эндиміонъ* —
и невинная *Диана* хочетъ оп-
дѣлиться ошъ *Нимфъ* своихъ
— хочетъ оспашься одна —
хочетъ поцѣловашь дѣвствен-
ными устами щаспливаго
смертнаго Мы видимъ
дѣйствіе *Циперскаго* очарова-
нія съ обѣихъ сторонъ; ра-
дуемся щасливой встрѣчи —
желаемъ . . . опускаю завѣ-
су . . . Кпо мнѣ даль право
открывашь таинства *Элевзин.*

скія? . . . хочу лучше имѣть
достоинство Эолта (*).

(*) Такъ назывались шб, ко-
торые, выдержавъ опыты, до-
пускаемы были къ созерцанію
тайнствъ Элевзинскихъ.

ХІ.

В Е С Н А.

Какъ я жалю о шѣхъ людяхъ, у которыхъ нѣтъ весны! Подъ вѣчно-лучезарнымъ небомъ Юга она сливается непримѣнно съ зимою и съ лѣтомъ; но здѣсь, въ щасливой Малороссіи, переходъ отъ дурнаго времени къ прекраснѣйшему всего пріятнѣе на свѣтѣ. Въ Россіи онъ еще чувствительнѣе, но за то дорого очень стоитъ!

Здѣсь вамъ кажется, что Апрель снесъ для васъ съ собою всѣ небесныя наслажденія: воздухъ, пшички, зелень,

ручейки, цвѣточки — все нечаянно, вдругъ плѣнитъ чувства ваши; комната сдѣлается вамъ постыла — выбѣгаете въ поле, радуешесь, восхищаетесь, не думаете ни о чемъ, кромѣ наслажденія, и хотите вѣчно жить въ плѣннспомѣ, смиренномъ хуторѣ (*) подлѣ Кіева.

Не знаю, на всѣхъ ли живительное дыханіе весны дѣйствуетъ такъ сильно, какъ на меня: она *развиваетъ*

(*) Хупорами называютъ въ Малороссіи пять, шесть крестьянскихъ хатъ (избъ). — Одна изъ нашихъ дамъ безпрестанно швердила: „я куплю маленькую деревню около Кіева.“

душу мою вмѣстѣ съ листочками; струитѣ чувства въ сердцѣ моемъ вмѣстѣ съ ручейками; воскреляетѣ воображеніе мое вмѣстѣ съ Зефирами... чувствую — мечтаю — наслаждаюсь несравненно живѣе, несравненно сильнѣе, нежели отъ чего нибудь, нежели когда нибудь.

Иду по полю — и каждой шагъ сопровождаю вниманіемъ: не хочу спускаться, чшобы шагъ мой пропалъ для меня — хочу существовать, чшо гуляю по полю . . . По блестящимъ Бульварамъ гуляютъ всебѣглымъ образомъ. Тамъ бѣгаютъ . . . отъ скуки, кошорая гонится за вами, подоб-

но спрасшному любовнику ; скрываютъ ее отъ самихъ себя , какъ и во всякомъ городскомъ веселіи , подъ магическимъ , всеильнымъ словомъ *мода* ; смотрятъ другъ другу въ глаза безъ всякаго намѣренія ; оглядываютъ другъ друга съ головы до ногъ , какъ люди изъ разныхъ сторонъ свѣта — какъ чудо одинъ для другаго ; устаютъ до смерти безъ всякаго удовольствія и возвращаются домой съ шѣмъ , чпобъ завтра — на Булеварь ! . .

Еще разъ : простите мнѣ , друзья мои , гуляющіе по бульварамъ ; простите мнѣ , красавицы , для которыхъ

слава Булевара также дорога, можетъ быть, какъ и собственная! я не желаю оскорбить васъ; желалъ бы только какимъ нибудь волшебствомъ перенести васъ, милые, на булеваръ — Природы.

Природа, природа! что лучше, что милѣе тебя? . . . Съ тобою, въ объятіяхъ твоихъ все совершеннѣе! Радость ли, счастье ли — сердце наслаждается свободнѣе, сильнѣе; любовь ли, дружба ли — душа блаженствуетъ нераздѣльнѣе, полнѣе; — красавица ли гуляетъ на зелени — она кажется богинею; дѣти ли бѣгаютъ по лугу — они кажутся Амурами . . .

Все такъ и интересно, такъ привлекательно — до всякой бездѣлки, до всякой малости! И человекъ можетъ скучать Природою! можетъ добровольно заключить себя въ угрюмомъ, хладномъ городѣ тогда, когда она предлагаетъ ему безчисленныя веселія! . . . неблагодарный!!

Вхожу въ березовую или дубовую рощу — и тысяча разношонныхъ яркихъ голосовъ крылатыхъ Орфеевъ поражаютъ слухъ мой. Благоуханіе цвѣтовъ, подобно еиміаму, разливается въ воздухъ; восхищеніе объемлетъ душу мою; сердце спремится къ райской, къ неизбяс-

нимой сладости . . . вздохн
 одинъ за другимъ, вылетаютъ
 изъ груди моей, и я говорю
 съ Кинольтомъ :

Quand on vient dans ce bocage,
 Peut-on s'empêcher d'aimer ?
 Que l'amour sous cet ombrage
 Sait bientôt nous défarmer !
 Sans effort il nous engage
 Dans les noeuds qu'il veut former.
 Que d'oiseaux sous ce feuillage !
 Que leur chant doit nous charmer !
 Nuit & jour par leur ramage
 Leur amour fait s'exprimer.
 Quand on vient dans ce bocage,
 Peut-on s'empêcher d'aimer ?

Здѣсь и роши зеленѣе, и
 цвѣты душистѣе, и ппички
 поютъ лучше! —

Или при угасающихъ лучахъ солнечныхъ гуляю по берегу спокойнаго озера, которое служилъ величественнымъ зеркаломъ величественнѣйшему предмету въ мірѣ. Розовые струи огненнаго шара пестрятъ синюю воду. Иногда быстрая лодочка разсѣкаетъ гладкую ея поверхность, и тихой, меланхолической шумъ кропкихъ волнъ раждаетъ неописанныя мечты и чувствованія . . . какое удовольствіе!

Образъ милыхъ моему сердцу мѣшается всегда во все удовольствія мои. Не могу взглянуть на чтонибудь пріятное глазамъ, чувствовать чтонибудь пріят-

ное въ сердцѣ безъ того ,
чтобъ не вспомнить васъ ,
друзья мои !

Какъ часто сердце мое
требуешь тебя , любезной
мой Б-нѣ ! оно помнитъ прі-
ятное время , не давно съ
побою проведенное ; помнитъ
нѣжную любовь твою — по-
мнитъ и не забудетъ во
вѣки !

Ахъ ! ледяное сердце Ти-
моновъ не узнаетъ , что та-
кое радости , щастіе !

ХИ.

ГОРЕСТНЫЙ ОБРАЗЪ!

Слушая однажды объдню въ сельскомъ храмѣ, я взглянулъ на стоящихъ подлѣ меня кресьянъ и увидѣлъ множество горбашыхъ между ими; одежда и лица ихъ доказывали, что они гораздо бѣднѣе другихъ. — Я захотѣлъ узнать досповѣрнѣе о состоянїи ихъ — узналъ и полуцыркульныя ихъ спины показались мнѣ самымъ проспымъ феноменомъ . . . Ахъ! радость и щаснїе *поднимаютъ* вверхъ голову нашу, а нищета и горестъ *наклоняютъ* ее внизъ! . . Взгляните

на любимца фортуны: онъ не думаетъ о томъ, что у него подъ ногами; онъ увѣренъ, что ходитъ по коврамъ, по розамъ — и шея его не имѣетъ никакой нужды згибаться. — Взгляните теперь на печальную противоположность — взгляните на забытаго людьми и рокомъ: пониклый мрачный взоръ его успрямленъ на землю; онъ ищетъ на ней . . . могилы, единственной отрады жизни своей! . . . Обманчивая надежда не распрямляетъ уже спана его . . . горестный образъ!

ХІІІ.

МАНУСКРИПТЪ.

Нечаянный случай доставилъ мнѣ памятникъ супружеской и опцовской нѣжности — вѣшхой манускриптъ, копорой показался мнѣ замѣчательнымъ. Вотъ исторія его: Нѣжный, пламенный супругъ лишился обожаемой супруги въ томъ самой часъ, когда она отдавала ему на руки первый залогъ любви ихъ. Въ гореспи, въ опчаянїи онъ изливалъ попомъ душу свою въ стихахъ къ своему сыну, причинѣ и ушѣ-

шенію скорби его. — Я сообщаю ихъ чувствительнымъ супругамъ и опцамъ; сообщаю такъ, какъ они мнѣ доспались.

Утѣшеніе огорченнаго моего сердца, къ моему сиротѣ.

Спи, сиротка! успокойся
На рукахъ, пшенецъ, моихъ!
Богъ помощникъ намъ — не бойся . . .
Ахъ! Онъ любитъ чадъ своихъ!
Язычекъ старайся править —
Милость Вышняго прославить;
Имя Бога произнеси.

Спи, пшенець — Господь съ по-
бою!

Благъ безъ мѣры намъ Творецъ!
Онъ тебя святой рукою
Сохранишь отъ злыхъ сердець;
Опразитъ коварныхъ стрѣлы,
И въ неопытны, незрѣлы.
Лѣша будешь швой Онъ щипъ.

Учись въ младенчествѣ душою
Любимъ друзей, — враговъ про-
щай;
Съ охотой, съ радостью живою
Слѣши несчастнымъ помогай.
Одно добро Творцу приятно; —
Однимъ лишь злымъ непо-
нятно,
Какъ сладостно благошворишь.

Учись богашствомъ не гордишь-
ся —

Богашство плѣнъ и суеша ;
Учись имъ съ бѣдными дѣлишься ;
Для насъ несчастный , сирота
Предметомъ долженъ быть свя-
щеннымъ ;
Съ душою , съ сердцемъ уми-
леннымъ
Слушай на сѣшенъ ему.

Оставь черпогъ, спокойно ложе,
Когда ждущъ помощи пивоей.
Ахъ ! нѣги , роскоши дороже
Слезъ горькихъ опереть ручей !
Ушѣшь печальнаго скорбе —
Добро намъ во время милбе !

Будь подобенъ простопшою
Нравовъ матери швоей ,
Чувствъ сердечныхъ чистопшою
И невинношью своею ;
Будь во всемъ шы ей подобенъ,
Какъ она , будь крошкѣ , скром-
менъ —
Какъ она , мнѣ будешь милъ.

Не увидишь , ппенчикъ милый !
Нѣжной маменьки своею :
Рокъ ее неумолимый
Отъ твоихъ сокрылъ очей !
Ласки, другъ мой, не дождешься,
Ввѣкъ отъ маменьки драгой ! ..
Ахъ! какъ чувствами проснешься,
Спросишь съ первою слезой —
Спросишь шы объ ней — но
пщетно !

Спросишь : „гдѣ она? скажите;
Кѣмъ рожденъ я? — дайте
знать ;

Мать мою мнѣ покажите,
Чтобъ я могъ ее обнять ;
Чтобъ она меня обняла ;
Чтобъ лобзая мнѣ сказала
Съ нѣжнымъ чувствомъ : *ми-*
лый мой!“

Спросишь , другъ мой : „для
чего же

Я не вижу мать мою ?

Развѣ есть что ей дороже

Слезъ, объ ней которы лью?“ —

Пшенчикъ милой, пшенчикъ бѣд-
ной!

Нѣтъ ужъ маменьки любезной —

Прахъ ея лежитъ въ землѣ!

Пойдешь къ ней нѣкогда со мною,
Пойдешь, о пшеничкѣ милой мой!
Мы вспунимъ шомною ногою
Съ умильнымъ сердцемъ въ
храмъ свяшой:

Тамъ — тамъ ошпашокъ драго-
цѣнной
Моей супруги незабвенной
Во гробѣ скрышь опѣ глазѣ
моихъ!

Мы спустимся, мой другъ, съ
тобою

По мрачнымъ спупенямъ земли;
Дверь спрашно скрипнешь — я
завою;

Ты скорбь души моей дѣли;
Плачь — плачь со мною и шер-
зайся,

И грустью сердца наслаждайся —
Вошѣ вся опрада въ жизни намъ!

Узнаешь, гдѣ опочиваетъ
Прахъ нѣжной матери твоей;
Обнимешь гробъ, что заклю-
чаетъ
Всѣ радости души моей . . .
О Ангелъ мой, моя супруга!
Мы жить хотѣли другъ для
друга —
Тебя ужъ нѣтъ . . . и я ни-
что!

Глубина нить когда превесться
Жизни горестной моей:
Пусть мой прахъ перенесется
Къ праху матери твоей.
Сей завѣщъ исполни вѣрно;
И въ душѣ — нелицемѣрно —
Помни насъ — за насъ молись!

Съ тобою будь благословенье
Мое и матери твоей;
Да будешь Богъ покровъ, спа-
сенье
Тебѣ въ мятежной жизни сей!
Да родъ тобой нашъ возродится,
И добродѣтель водворится
Въ семействѣ, милый сынъ,
твоемъ!

Есть нѣжныя мысли,
глубокія чувства и прога-
пельныя наставленія въ по-
средственныхъ спихахъ сихъ —
по крайней мѣрѣ такъ мнѣ
кажется. — Я хотѣлъ сдѣ-
лать ихъ одной стопой, но
какое-то чувство сказало
въ сердцѣ моемъ: *оставь такъ,
какъ есть!*

XIV.

УГОЩЕНІЕ.

Крезы, скучающіе жизнью въ злажныхъ своихъ чертогахъ и не умѣющіе пользоваться благами фортуны! поѣзжайте въ Буду (*), и вы узнаете, что такое веселья, удовольствія, наслажденія; — узнаете, въ чемъ состоитъ истинное преимущество богатства своего; — узнаете, сколько вы бѣдны среди своихъ сокровищъ и скажете проливъ воли своей:

(*) Село, принадлежащее Д^{*}
И^{*} Ш^{*} ***, въ Малороссіи.

за тѣмъ мы обладаемъ милліонами!

Мы предприняли всѣмъ обществомъ своимъ новое путешествіе въ другую часть Малороссіи, называемой Украиною. — На пути нашемъ были угощаемы четыре дни въ сей Будѣ — на островѣ очарованія, копорой можетъ быть описанъ только Тассомъ, Фенелономъ или — это ближе къ намъ — Херасковымъ — угощаемы почтеннымъ ея хозяиномъ, человекомъ, имѣющимъ посредственное состояніе, но обладающимъ сокровищами — рѣдкими, безцѣнными.

По прѣздѣ нашемъ — ввечеру — шопчасъ повели

насъ въ театрѣ. Загремѣла музыка, поднялся занавѣсъ, явились Актеры. Была Опера. Главная пѣвица восхитила сердца наши сладкимъ, пріятнымъ, одушевленнымъ голосомъ; Буффо испинно комическимъ талантомъ своимъ плѣнилъ насъ. Опера кончилась. Снова поднялся занавѣсъ, и блестящій балетъ поразилъ взоры наши.

Живописныя Терпсихорины группы (*), копорыхъ выразительныя положенія, обороты, взоры, карпины

(*) Въ балетной группѣ нѣтъ ни одного мужчины; лица ихъ представляютъ нѣкоторыя изъ танцовщицъ.

избясняютьъ вамъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ исторію дѣйсвія ихъ; солисты, подобные молніи быспропою ногъ своихъ, за которыми глаза ваши не успѣваютьъ слѣдовать, изображающіе каждымъ движеніемъ рукъ, лица различныя страсти души и сердца со всѣми ихъ оппѣнками; богатая одежда; прекрасныя декорации; превосходной оркестръ — все, все изумитъ, обворожитъ васъ. — — *Маренкова, Драздова, Касаковская, Кодиновъ!* вы бы были украшеніемъ самой блестящей сцены великолѣпнѣйшей столицы!

Древняя наша столица — одна изъ богатѣйшихъ въ

свѣшѣ — никогда не имѣла
накого балета! Я сравни-
валъ и другія часни здѣш-
няго скромнаго театра съ
гордымъ Московскимъ, и къ
чувствительному сожалѣнію
моему находилъ въ послѣд-
немъ многія хуже. — До сихъ
поръ вообще театръ нашъ
не былъ привлекателенъ —
но будетъ безъ сомнѣнія впе-
редъ. Какая розница между
человѣкомъ благороднымъ и
промышленникомъ — однимъ
словомъ: какая розница ме-
жду нынѣшнимъ содержате-
лемъ театра и прежнимъ!..
И какую розницу увидимъ
конечно между прежнимъ
театромъ и нынѣшнимъ! —

— Плавильщиковы, Поме-
ранцовы, Сандуновы! вы яви-
тесь въ лучезарнѣйшемъ бле-
скѣ таланта вашего на сценѣ
своей, которая до сего вре-
мени не была достойна васъ!
Являясь можетъ быть и но-
вые драматическіе Авторы —
и мы узнаемъ прелесть дра-
матическаго наслажденія, и
имя К* В* будетъ любезно
любителямъ изящныхъ та-
ланцовъ.

По томъ каждый день
спектакль и балъ. Гостей
было довольно. Между нѣмъ,
какъ опдыхали опъ конпр-
данцовъ, юныя Нимфы Терп-
сихорины танцовали нѣкоп-
рыя сцены изъ балетовъ, или
что нибудь другое. Ихъ иску-

ство, легкость, гибкость, пріятность тѣлодвиженія были еще плѣнительнѣе, интереснѣе для глазъ вблизи, нежели на театрѣ, въ большой, освѣщенной множествомъ люстръ, галлерей. Последнихъ выступаютъ на сцену двѣ Цыганки, то есть, двѣ Терпсихорины же Нимфы, въ совершенно цыганскомъ костюмѣ, и подъ громкія, опривистыя пѣсни, аккомпанируемая оркестромъ, пляшутъ съ неописанною прелестью. Одна изъ сихъ стоитъ того, чтобъ описать ее — и лучшею кистью, нежели моя. Вообразите Грацію съ черными волосами, съ черными глазами, съ пріят-

нѣйшею улыбкою на пре-
 красно-образованныхъ розовыхъ
 устахъ, въ алой казимировой
 одеждѣ (*); вообразите при
 этомъ живоспись выраженій
 цыганской пляски ахъ,
 Полянская (**)! — Громъ
 рукоплесканія раздается въ
 проспранствѣ галлерей. Мнѣ
 казалось, что я въ Аѳинахъ
 у роскошнаго Гиппія, въ
 храмѣ наслажденія; что все
 то, о чемъ *металъ* любез-
 ный К* въ минушы пріят-
 ныхъ мыслей (***) , исполни-

(*) Въ цыганской.

(**) Фамилія ея.

(***) См. во II Ч. Аглаи,
 Аѳинская жизнь.

лось со мною въ самомъ дѣ-
лѣ . . . О Ш*! ты бы былъ
совмѣстникомъ Гиллія въ
щасливыхъ нѣкогда Аѳи-
нахъ! Но чѣмъ не обязанъ
тебѣ пустынный край, въ
которомъ ввелъ ты столько
пріятностей, столько про-
свѣщенія! . . . Горе ему, еже-
ли онъ не знаетъ цѣны все-
му этому!

Теперь позвольте мнѣ,
друзья мои, сказать вамъ о
томъ, что чувствительному
сердцу всего драгоценнѣе,
всего милѣе. — Добродѣтель,
святая добродѣтель! . . . во
всякомъ мѣстѣ, во всякомъ
состояніи добродѣтель равно
прекрасна, равно лучезарна —

и мы вездѣ должны поклоне-
ніемъ ей!

Представьте себѣ строй-
наго, прекраснаго съ хоро-
шимъ ростомъ мушину, од-
нимъ словомъ: *Вестриса* въ ро-
лѣ Адониса или Алонза (*) —
это женщина! . . . женщина —
слѣдственно вы еще болѣе
плѣняешесь ею — болѣе, не-
жели самимъ *Вестрисомъ*. Гла-
за ваши и сердце лепающъ
за нею; не хопящъ ни на
минушу съ нею разстаться,
и руки ваши поднимающся
сами собою, чтобъ пле-
скашь въ живѣйшемъ восшор-
гѣ сердца.

(*) Балешы.

Сполько удовольствій самолюбія не вредитъ душѣ ея : она идетъ съ блестящаго своего трона при опголосокахъ рукоплесканія — утѣшивъ горестнаго, помочь бѣдному ; отдаешъ имъ все (*)... не могу болѣе слезы запылали въ груди моей Признаюсь , друзья мои, что въ другомъ случаѣ сія же самая добродѣтель менѣе бы пронула меня Вы опгадаете , по чему .

Какая при всемъ эпомъ скромность, учпивость, вѣжливостъ . — ахъ !! какъ она интересна !!

(*) Я имѣлъ особый случай узнать обо всемъ эпомъ .

Кто, поживъ при, четы-
ре дни въ Будѣ, не растаетъ
сердцемъ, у того каменное
сердце; но меня не лзя
упрекнуть эѣмъ: я спалъ
плѣнникомъ одной Эвхарисы
и, подобно сыну Улиссову,
не желалъ свободы. —

Въ заключеніе скажу,
что помѣщикъ Буды благо-
творитель: всѣ еи плѣняю-
щія васъ существа, о копо-
рыхъ печется онъ, какъ отецъ
о дѣтяхъ, извлечены имъ
изъ ничпожества — то есть,
изъ крестьянскаго состоянія.
— Судите же, какое разстояніе
между теперешнею участью
ихъ, и тою, которая ихъ ожи-
дала! — Превращеніе ихъ пока-
жется непонятнымъ для васъ!

ЛЮБИМЕЦЪ ФОРТУНЫ.

Кто имѣетъ пять тысячъ человекъ къ своимъ услугамъ, тотъ неоспоримо — любимецъ фортуны. Отъ него зависить быть и любимцемъ счастья . . . „Фортуна и счастье, скажете, по моей диалектикѣ не синонимы — не одно и то же?“ Нѣтъ: первое не совсѣмъ Руское слово — знаю, но оно такъ давно въ Рускомъ словарѣ, что можетъ имѣть право на опечеспвенность, и значить, кажется, счастливой *служай*, а не самое счастье, которое ни въ чемъ, думаю, исключитель-

но опредѣлить не лзя. И такъ любимцы одной не всегда бывають любимцами друга.

Разставшись наконецъ съ милой Будюю и со всѣми ея очарованіями, мы были еще угощаемы на пупи своемъ однимъ щастливымъ любимцемъ фортуны — щастливымъ по тому, что онъ умѣетъ пользоваться дарами своенравной богини, осыпавшей его оными.

Прекрасный сельской домъ, убранный руками Грацій; прекрасная услуга, прекрасный столъ, прекрасная музыка — все доказываетъ, что пяшь тысячъ душъ, которыми Б* * обладаетъ, не

въ сундукахъ Гарлагонскихъ — ешьли только могу сказать такъ. — Съ какимъ удовольствіемъ принималъ, угощалъ насъ любезной хозяйнѣ! —

На другой день мы были въ сельской его церквѣ у обѣдни; загремѣлъ хоръ пѣвчихъ — и я думалъ, что я очутился у *Никиты Мугеника* въ Москвѣ сладкое очарованіе! . . . *Колокольниковы* пѣвчіе конечно не оскорбляясь сравненіемъ: оно справедливо! —

Огромнымъ оркестромъ его дирижируетъ славный *Албертини*, котораго скрипка доставила душѣ моей райскія минуты. —

Послѣ обѣда сидѣли въ саду подѣ тѣнисными деревьями липами; время было наилучшее; легкой, пріятной разговорѣ занималъ насъ съ тою непринужденностію, которая неизвѣстна въ великолѣпныхъ госпинахъ городовъ. Меня занимало многое — и одна нечаянная идея овладѣла моимъ воображеніемъ. Я побѣжалъ въ кабинетъ, въ которомъ все означаетъ нѣжной вкусъ хозяина, и написалъ слѣдующіе стихи, посвятивъ ихъ одной изъ моихъ дамъ:

П Ъ С Н Я.

Есшъли я тебѣ словами
Не сказала: ты мнѣ милѣ!
То сказала все глазами —
Все, что въ душу ты вселилѣ.

Власть любви я ощутила
Съ первымъ взоромъ на тебя;
И тогдажѣ тебѣ вручила
Тайно жребій мой — себя.

Щастье ждешѣ насѣ иль на-
насти —
Рокѣ во мракѣ нашѣ сокрытѣ!
Но въ нѣжнѣйшей сердца спра-
еши
Лишь минута все рѣшитѣ.

Сердцу страшная минуша!
Ты велѣла мнѣ любишь . . .
Не уже ли доля люша
Мнѣ велишѣ ввѣкѣ слезы лишь?

Нѣшѣ! тебѣ казался ясенѣ
Каждый взорѣ моихѣ очей; —
Страхѣ души моей напрасенѣ:
Я мила душѣ твоей . . .

Я мила тебѣ! . . блаженство
Эта мысль мнѣ въ сердце льетѣ . . .
Ахѣ! въ ней рая совершенство
Ввѣкѣ душа моя найдешѣ!

Ввечеру любезный хо-
зяинѣ предложилѣ молодому
человѣку, члену нашего об-
щества, и мнѣ прогулку

верьхомъ. Я сердечно обрадовался предложенію сему, любя верховую ѣзду чрезвычайно — и мы ѣздили на прекрасныхъ лошадяхъ съ опмѣннымъ удовольствіемъ..

Болѣе супокъ прожили мы какъ одинъ пріятный часъ — и Чемиръ (*) остался навсегда въ моей памяти.

Все прекрасно въ Чемирѣ, но всего лучше въ немъ . . . хозяинъ.

(*) Имя деревни, въ кошорой угощались мы.

XVI.

НЕПРІЯТНОСТЬ.

Какъ предвидѣть, что съ нами случится! — Проѣзжая черезъ городъ Р*, мнѣ захотѣлось, между тѣмъ, какъ перемѣняли лошадей, походить по городу. Встрѣчается со мною Шефъ стоящаго тамъ пѣхотнаго полку; онъ ѣхалъ верхомъ, — проѣхалъ и черезъ минушу скачетъ ко мнѣ Офицеръ изъ свиты его, и самымъ грознымъ голосомъ спрашиваетъ меня: „Кто вы?“

Я. Проѣзжій.

Онъ. Генераль приказаль спросишь, кпо вы именно; а я дежурной Маюръ по городу; фамиля моя — — (я тогда же забылъ ее; какая-то Нѣмецкая.)

Я (разсмѣявшись — ибо дежурной Маюръ по городу съ шрудомъ сидѣлъ на лошади онъ усердной службы — къ Бахусу). Ни вы, ни Генераль вашъ не имѣеиъ права спрашиваиъ — но чпобъ развязаиъся съ вами (я назвалъ себя); поѣзжайте съ Богомъ.

Исправной дежурной Маюръ не удовольсшвовался еще эиѣмъ — зашумѣлъ ужаснымъ образомъ, — народъ сполпился, окружилъ насъ, —

я не зналъ, чѣмъ все это кончится. Скачешь самъ Генералъ къ намъ; я обрадовался ему, надѣясь, что Генералъ прекратитъ все — но ошибся. Я подошелъ къ нему.

Генералъ (скинувъ шляпу). Позвольте спросить, кто вы?

Я (скинувъ также шляпу). Еслили должно мнѣ отвѣчать непременно, то (еще разъ назвалъ себя) . . .

Генералъ, не дожидаясь болѣе ничего, далъ шпоры и скрылся какъ молнія, оставя со мною безобразнаго своего Маіора, который между тѣмъ распалился болѣе Батическимъ пламенемъ; бранилъ меня, за что не знаю;

давилъ, своею лошадыю; я
опмахивался плашкою, един-
ственнымъ моимъ на шопъ,
разъ орудіемъ — и Богъ знаетъ,
что бы могло воспослѣдовать,
ежели бы не подоспѣлъ Горо-
дничій, копорой избавилъ
меня отъ пьянаго Геркулеса.

Прискорбно! но въ боль-
шой семьѣ какъ безъ уroda?

XVII.

ПОЛТАВСКОЕ ПОЛЕ.

Не умѣю сказать, что чувствуешь сердце, когда, подъѣзжая къ Полтавѣ, увидите вы на обширномъ полѣ высокой курганъ (*) — могилу нѣсколькихъ тысячъ жертвъ славолюбія!.. Мысль, что вы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сей фанатикъ героизма, Карлъ XII, и сей Геній мудрости, Пётръ I, лежали по рядамъ войскъ

(*) Круглой холмъ. На Полтавскомъ полѣ онъ служилъ одною могилою всѣхъ убитыхъ воиновъ.

своихъ ; одушевляли присутствіемъ своимъ слабѣющихъ и усугубляли мужество храбрыхъ — кажется, что вы сами чувствуете *вдохновеніе* ихъ присутствія — мысль, что на самомъ этомъ мѣстѣ рѣшилась въ нѣсколько часовъ судьба сильнѣйшаго Государства въ свѣтѣ ; что ежели бы щасіе склонило въ другую сторону вѣсы свои, то какіе люди, какія сцены были бы тутъ ; — тысяча еще другихъ мыслей, копоры пробѣгаютъ съ быстротою молніи въ душѣ вашей, дѣйствуютъ на чувства ваши неописаннымъ образомъ !

Сѣвѣ на горѣ, по копорой пропягивается городъ

Полтава, я читалъ въ путешествіи Измайлова сравненіе Карла XII съ Петромъ Великимъ — читалъ съ живѣйшимъ чувствомъ, нежели прежде, при видѣ тѣхъ предметовъ, которые воспламеняли щасливое его воображеніе; жалѣлъ и утѣшался вмѣстѣ съ нимъ, что славнѣйшій день въ лѣтописяхъ Россіи не ознаменованъ славнымъ памятникомъ и не воспѣтъ Музою Державина; потомъ сравчалъ описаніе сихъ самыхъ предметовъ съ подлинникомъ, и радовался точности его. — Сія эспланада, распещуренная рѣчьками, лѣсочками, крестьянскими и господскими домиками; сей монастырь, гордо

возвышающійся на высокомъ холмѣ (*), занимали нѣсколько часовъ глаза и душу мою съ такимъ удовольствіемъ, котораго — не могу выразить.

Естьли бы хотя одинъ разъ вздумалось судьбѣ, согласиться съ моимъ желаніемъ, то я бы построилъ себѣ на этой горѣ маленькой домикъ, и съ милою сердцу — безъ милой все не мило! — смотрѣлъ бы въ праздныя часы на прекрасную природу изъ оконъ моихъ! . . . все другое охотно другимъ оспа-вляю.

(*) См. Путешествіе въ Полу-денную Россію, Ч. I, письмо XLIII и XLIV.

XVIII.

СКВОРЕЦЪ.

Чѣмъ женщины, милыя женщины! не утѣшаются иногда! — Одна изъ нашего общества вздумала взростиить и *воспитать* юнаго скворца съ шѣмъ — ибо гдѣ вы видѣли чистое благодѣяніе? — чпобъ онъ выучилъ и швердилъ безпрестанно *любезное* ей *имя*. Заботы были чрезвычайныя; кормили, поили изъ своихъ рукъ — только *мать* бѣдной пшички кормила бы ее, думаю, лучше! Малышка разѣвала ротъ, сколько можно болѣе; ей совали какія-шо кусочки, и

всякой разѣ, казалось, воспитанникѣ подавится. Хотѣлось, чтобы онѣ выросѣ и выучился поскорѣе — женщины не любяшѣ медленности, — шоропили бѣдничкаго, и однимѣ упрямѣ нашли его — безѣ жизни! . . . Всѣ сожалѣли о неудачѣ добраго дѣла. — „Не уже ли вы не напишете эпитафїи?“ сказала мнѣ несчастливая женщина. — „Какѣ не напишеть — это долгѣ мой“ — отвѣчалѣ я, и исполнилѣ его.

ЭПИТАФІЯ

Юному скворцу моему.

Взросшишь тебя, дружокъ,
хотѣла для того,
Чтобъ имя ты пвердилъ все-
часно дорогое;
Но ты закрылъ глаза, не вы-
учивъ его —
И такъ безъ слезъ моихъ лежи
навѣкъ въ покоѣ!

ХІХ.

Д Н Ъ П Р Ъ.

Ежели бы я имѣлъ дарованіе К* или Д*, то бы воспѣлъ *Днѣпръ*, такъ какъ они воспѣли *Волгу*: но я могу только прельщаться имъ!

Наконецъ я увидѣлъ *Днѣпръ* — цѣль пламеннаго моего желанія. Мы живемъ теперь на прекрасномъ берегу прекрасной рѣки сей, въ сельскомъ маленькомъ домикѣ и гуляемъ безпрестанно подъ шумомъ гордыхъ волнъ ея. — Какая Пѣническая природа шумъ, гдѣ жилище наше; шумъ, гдѣ гуляемъ мы съ утра до вечера! . . . Необозри-

мой лугъ, усѣянной желты-
ми, лиловыми и голубыми
цвѣточками съ журчащими
опъ мѣста до мѣста ручей-
ками — лугъ, какимъ толь-
ко восхищаемся въ Идиллі-
яхъ или Эклогахъ, и ко-
торой всеминутно напоми-
наетъ вамъ какія нибудь изъ
стиховъ Гжи. Дезульеръ или
Виргилія; — небольшія ро-
щицы, убѣжище любви и
блаженства; гранишной на
другой сторонѣ берегъ и
грозныя скалы; бальзамиче-
ской воздухъ отъ испаренія
душистыхъ травъ; прекра-
снѣйшія въ свѣтѣ Майскія
вечера и утра . . . о приро-
да! о чувствительность!

Болѣе меня никто не бродилъ по злачнымъ лугамъ и берегамъ Днѣпровскимъ — и, признаюсь, когда брожу *одинъ*, тогда удовольствіе мое несравненно живѣе — тогда въ сладкой тишинѣ безмолвія при видѣ величественной рѣки и тысячъ красотъ природы предаюсь движеніямъ сердца моего безпрепятственно.

Мысли о прошедшемъ — о томъ времени, когда эпопѣ Днѣпръ былъ свидѣтелемъ лучшихъ удовольствій души моей въ лучшемъ періодѣ жизни — въ щастливой юности; когда цвѣтущее сердце мое и воображеніе расписывало для меня прелестнѣй-

шими красками всё предме-
ты; когда *будущее* казалось
мнѣ розовою безконечною
цѣпью радостей; когда прї-
япнѣйшія надежды казались
мнѣ несомнѣннымъ событі-
емъ Ахъ! кто бы то-
гда могъ увѣрить меня, что
черезъ нѣсколько лѣтъ я
буду на этомъ мѣстѣ гру-
стить о минувшемъ — и болѣе
ничего!

Témoins de mes beaux jours, de
mes premiers désirs,
Beaux lieux! qu'avez-vous fait de
mes premiers plaisirs?

Говорю я съ Делилемъ —
говорю тысячу разъ, не
чувствуя слезъ, которыя
спрутся по лицу моему. —

Простите мнѣ слабость
мою , говорить о *себѣ* — о
чувствахъ *своего* сердца ! Это
единственный эгоизмъ мой —
простите мнѣ его !!

МОГИЛА ДРУГА.

Кто поперялъ истиннаго друга, тощъ знаешь, что могила его для сердца нашего! . . . Могила друга! . . . Ахъ! одинъ звукъ словъ эшѣхъ выражаетъ все — все!

О другъ мой! Судьба не хотѣла, чтобъ я закрылъ глаза мои навѣки, не видавъ швоей могилы — и сердце мое исполнено пламенной благодарности къ Судьбѣ!

Уже осьмая весна освѣжаетъ зеленью прахъ швой, а рука друга швоего въ первой разъ осыпала цвѣтами уединенную швою могилу;

въ первый разъ слезы дружбы окропили ее! . . . Мой другъ! чувствовалъ ли прахъ твой посѣщеніе твоего друга — его спенанія, его слезы? . . . Нѣтъ! я обнималъ холодной камень — и мои спенанія уносились въпрямь — и мои слезы падали на безчувственную землю! . . . Но мнѣ казалось, что могила твоя улыбнулась при неперпѣливомъ взглядѣ моемъ на нее; и зеленая травка, и желтыя цвѣточки, вокругъ ее растущія, съ чувствомъ испаряли благоуханіе свое! . . . Мнѣ казалось, что и ты чувствовалъ мое присутствіе! . . . Такъ; ты чувствовалъ его: чувства сердца не умира-

юшѣ! . . . Но что чувствовало
мое въ тѣ минуты! . . .
Друзья мои! да сохранитѣ
васъ Небо отъ горести ли-
шишься истиннаго друга!
Всѣ другія потери въ жизни
ничто передъ сею! . . .

Жестокая Парка перерѣ-
зала нить жизни друга мо-
его въ самыхъ цвѣтущихъ
лѣтахъ — тогда, когда
жизнь имѣетъ столько для
насъ прелестей; когда ис-
точникъ ея кажется намъ
такъ полнымъ, такъ неиспо-
щимымъ! . . . Разставаешься съ
жизнію на зарѣ ея! . . . И
другъ мой распался! . . . раз-
пался не на моихъ рукахъ,
не въ моихъ взорахъ, не при
моихъ слезахъ! . . . Ахъ! мнѣ

и ему было бы легче, ежели бы мы видѣли другъ друга, разлучаясь навѣки!

Съ шѣхъ поръ, какъ переселился ты, о другъ мой! въ жилище вѣчное — въ жилище покоя, всякая могила, встрѣчающаяся взору моему, оживляетъ горестъ осиротѣлой души моей, обновляетъ неизцѣлимую рану моего сердца; — съ шѣхъ поръ унылое кладбище сдѣлалось симпатическимъ, любезнѣйшимъ предметомъ уединенныхъ моихъ прогулокъ и мѣстомъ глубокихъ чувствований моего сердца.

Могила друга моего, на сельскомъ, пуспынномъ кладбищѣ, осѣняется вишневыми

деревьями; около нее распетъ
высокая права и желшья
цвѣшочки; Днѣпровскія вол-
ны освѣжаютъ ее; крошкая
меланхолія царствуетъ во-
кругъ . . .

Другъ мой! я имѣю ми-
лыхъ сердцу моему — но мѣ-
сто швое въ немъ никто,
никто не засшупишь! . . .
Просши!

Тамъ — тамъ увидимся, гдѣ
болѣ нѣтъ разлуки;
Гдѣ радости насъ ждутъ за
всѣ жишнейски муки!

ЯКОВЪ САДОВНИКЪ.

Въ одномъ изъ здѣшнихъ Губернскихъ городовъ посѣщаль я шакого человѣка, копорой представитъ вамъ бѣдность человѣческую въ самомъ прогательномъ образѣ. — Онъ былъ умной и ученой человѣкъ; былъ Секретаремъ Посольства въ Парижѣ и много путешествовалъ; теперь — въ сумасшествіи!

Когда мы вошли къ нему — я былъ съ однимъ изъ его знакомыхъ — шо онъ лежалъ на постелѣ въ бѣломъ шлафорѣ; увидя насъ, вско-

чиль потчасъ съ постели, надѣль поспѣшно на правую руку перчатку, схватилъ полстную палку и большой ключъ — вообразите любопытство мое! — и потпомъ опривистымъ голосомъ, указывая на спуля въ другой горницѣ, сказалъ намъ нѣсколько разъ: „сидишесь, сидишесь.“ Товарищъ мой спалъ рекомендовалъ меня, но онъ швердилъ: „сидишесь, сидишесь.“ Мы сѣли — онъ также. Я обратилъ потчасъ разговоръ мой къ книгамъ, которыя лежали на столикѣ въ спальнѣ его.

Я. Вы безъ сомнѣнїя всегда занимаетесь чтенїемъ — предметами липшерапуры,

учености; имѣете библіотеку.

Онъ. Занимался прежде; имѣлъ и библіотеку, но она почти перевелась у меня. Теперь занимаюсь садомъ.

Я. Это пріятное упражненіе. Монпанъ также работалъ въ саду своемъ.

Онъ. Монпанъ только работалъ, но я — садовникъ.

Не допуская его говорить о мечтахъ своихъ, я спросилъ у него, долго ли онъ путешествовалъ.

Онъ. Пятнадцать лѣтъ, и во всей Европѣ. Въ Парижѣ прожилъ я пять лѣтъ.

Я. Съ кѣмъ вы имѣли связи, знакомства изъ извѣстныхъ людей въ Парижѣ?

Онъ. Съ Вольтеромъ, съ Руссо, съ Лагарпомъ, съ Мерсье. Я ихъ зналъ довольно.

Я. Какъ вы щасшавы!

Онъ (улыбнувшись). Какое это щастіе! все суета.

Желая продлить разговоръ о Парижскомъ его знакомствѣ, я говорилъ ему о Лагарпѣ, о Лицеи его и проч.

Онъ. Да, я знаю объ его Лицеи изъ газетъ. Я читалъ также недавно въ газетахъ, что его выслали изъ Парижа; вѣрно за смѣлыя политическія его мнѣнія. . .

И вдругъ послѣ этого спалъ говорить о Медицинѣ, объ Астрономіи, любимой его наукѣ, копорая (какъ сказывають) ещюитъ ему ума, и о

которой говоритъ онъ теперь такъ, что не возможно не разсмѣяться. На примѣръ — говоритъ вамъ со всею ученою важностію: есть каникулярныя созвѣдія, которыя именуются русалками, и которыя превеликіе враги солнцу. Когда они сближуются, подступая къ нему, то дѣлаютъ ему ужасную боль — а оно уже дѣлаетъ ее намъ, и прошивъ воли своей; ибо вы знаете, что солнце по свойству своему дѣлаетъ только все доброе. Во всякомъ климатѣ есть эти враги солнца, но въ одномъ больше, въ другомъ меньше; и Плиній Натуралистъ, описывая этотъ край земли между Борисше-

номъ и Чернымъ моремъ, говорить, что здѣсь весьма подвержены вліяніямъ русалокъ, копорыя ничто иное, какъ Мифологическія Фуріи и Сирены. Я также дѣлаю мои аспрономическія наблюденія, какъ весьма нужныя для садовника, по тому, что я (наклонясь ко мнѣ) *Яковъ садовникъ*, — а другое все суета, все мечта! И вы потеряли свое время за книжками: надобно работать въ саду — вопъ что важно въ жизни нашей! другое все суета, все мечта!

Тутъ мы вспали, проспились съ нимъ и, признаюсь, дорогою смѣялись съ горестью спрранности идей его. — Бѣдной почишаетъ себя садовни-

комъ, и въ маленькомъ, ничего не-
значущемъ садикъ своемъ про-
водишь дни и ночи! Большая
палка его и ключъ служатъ,
по его воображенію, орудіемъ
прошивъ ненавистныхъ ему
русалокъ.

Къ чему послужили ему
умъ, знанія и все? . . . Ахъ!
нещасливый правду говоритъ:
все суепа, все мечта! . . .
Какъ прогашельны слова сіи
въ устахъ его!

НИЧТОЖНОСТЬ ЧЕЛОВѢ-
ЧЕСКАЯ.

Сидя на дикомъ камнѣ, я
смопрѣлъ на необъемлемой
почти взоромъ фундаментъ
церкви, заложенной двумя
славнѣйшими Монархами —
Великою ЕКАТЕРИНОЮ и
Иосифомъ II (*). Церковь Петра
и Павла въ Римѣ должен-

(*) Въ Новороссійскѣ, или
Екатеринославѣ, во вре-
мя Путешествія Императри-
цы въ Южныя края Россіи. —

спивовала бышь ея моделью. Геній эпова края, К* П* * *, хопѣлъ, чпобѣ она *одна* вмѣщала всѣхъ жипелей города. Уже фундаменпѣ былѣ выведенѣ; уже все тошовилось для совершенія ея — не вдругѣ рука Судьбы оспановила быспрые успѣхи шворческихъ дѣлъ П* * * ! Смерть его раскинула черной крепѣ на цѣлой край эпопѣ — и каждой предметѣ здѣсь говоритѣ, кажешся, вамѣ о сиротспвѣ своемѣ Все уныло, все печально здѣсь — можетѣ бышь только въ моемѣ воображеніи.

Вѣ то же время смотрѣлъ я и на Генералѣ - Губерна-

порской домъ, то есть, К* П*** — домъ прекрасной архитектуры, на прекрасномъ мѣстѣ; но окна, карнизы, колонны, пополки — все причиняетъ грусть сердцу вашему: ничего нѣтъ цѣлаго — и въ споль короткое время!

Мысли о ЕКАТЕРИНѢ, объ Иосифѣ, о Попемкинѣ рождали тысячу чувствованій въ душѣ моей. — „Гдѣ они?“ — спрашивалъ я вокругъ себя — и глубокая тишина была разительнѣйшимъ для меня отвѣтомъ! . . .

На одной сторонѣ фундамента поставлена, по размѣру, бѣлая каменная вер-

спа въ видѣ обелиска (*) —
какъ это ксшати! она пред-
ставляетъ собою памятникъ
ничтожности человѣческой!

(*) Такія версты отъ Ново-
россійска до Крыма.

ФИЗИОНОМІЯ.

Думаю, что ни въ какомъ мѣстѣ, ни въ какомъ случаѣ характеръ физіономіи не оказывается такъ хорошо, какъ въ церквѣ. Въ обществѣ различныя внутреннія движенія измѣняютъ физіономію такъ, что вы не успеете замѣпить главнаго ея характера — особливо въ прекрасномъ полѣ, коимъ гораздо болѣе нашего — естли не ошибаюсь — подверженъ моральному движенію . . . Живоспѣ разговора, требованія самолюбія, суешности и проч.

дѣлаюшѣ то, что мы съ другими, можно сказать, не похожи на себя; но въ церквѣ совсѣмъ иное.

Не давно во время обѣдни всирѣшилось глазамъ моимъ лицо, которое пошчасъ остановило ихъ при себѣ — оно было женское . . . Ахъ! какая физіономія! . . . Глубокое, ничѣмъ не развлекаемое вниманіе къ одному предмету означало всѣ черты лица въ натуральномъ ихъ расположеніи самымъ выразительнѣйшимъ образомъ. Умиленіе нѣжнаго сердца, чувствительность прекрасной души изображались въ глазахъ ея какъ въ вѣрномъ зеркалѣ; уста ея,

казалось, хотѣли всеминутно разтвориться для какой-то небесной гармоніи — однимъ словомъ: я видѣлъ рай на лицѣ семъ, которое со всеѣмъ тѣмъ не прекрасное, но котораго физіономія лучше всякой красоты въ свѣтѣ!.. О Лафатеръ! что бы нынѣ сказалъ о немъ!

Я смотрѣлъ на него и хотѣлъ плакать съ сладчайшимъ чувствомъ сердца. Кажется, если бы я видѣлъ такое лицо всегда передъ собою, то никогда дурное чувство не вошло бы въ душу мою... Я находилъ себя въ тѣ счастливыя минуты такъ добрымъ, такъ близкимъ къ Богу, Которо-

му поклонялся вмѣстѣ съ нею!

„Для чего въ обществѣ никогда еще никакая физіономія не сдѣлала такого впечатлѣнія въ сердце моемъ? “ думалъ я — и нашелъ (по своему мнѣнію) причину.

СЛѢДЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Какъ безцѣнны для воображенія слѣды великихъ смертныхъ! какъ ненасытимо оно при созерцаніи ихъ!

Верстахъ въ 15 отъ Новороссійска на берегу Днѣпра есть небольшая земляная крѣпость, построенная ПЕТРОМЪ Великимъ во время войны Его съ Портою . . . Тутъ строгой судія необыкновенныхъ дѣлъ человѣческихъ, правдивая Кліо, развернула предъ мысленнымъ взоромъ моимъ хартію свою. Я пробѣгалъ жизнь ПЕТРОВУ отъ самой нѣжной юности

до послѣдняго Его благодѣя-
нїя опечеснву; съ различ-
ными чувствами оспанавли-
вался я при различныхъ эпо-
хахъ, при различныхъ по-
двигахъ, при различныхъ об-
стоятельстввахъ — и положе-
нїе Героя при *Прутѣ* (*)
заняло меня сильнѣйшимъ
образомъ, потому болѣе, что
я былъ сближенъ къ этой
сценѣ . . . Тонкая, быстрая
проницательность ума Ека-
терины (***) и нѣжная, благо-

(*) Рѣка въ Молдавіи. — Каж-
дому Россїянину памятно
произшествіе сіе въ Исторіи
ПЕТРА Великаго.

(**) Первой.

дарная любовь ея къ супругу, спасшія милое ей отечество его, извлекли слезы изъ глазъ моихъ.

Я спюялъ на валу, которой возвышается отъ рѣки сажень на 40 по страшнымъ дикимъ утесамъ; гордый Днѣпръ шумѣлъ подъ моими ногами, ударяясь о подводные каменья и превращаясь отъ сильныхъ ударовъ въ кипящее молоко. — То, что было въ глазахъ моихъ; но, что происходило въ душѣ моей, доспавляло мнѣ такія минушы, которыя бывають очень рѣдко!

ОБЯЗАННОСТЬ СТИХО-
ТВОРЦА.

„Напишите другіе стихи на голосъ: *Винятъ меня въ народъ*“ — сказала мнѣ одна изъ моихъ дамъ . . . Вотъ невыгода лестнаго пишла *Поэтъ!* Еслили вы хотя немного прослыли стихотворцомъ, то вамъ никакъ не возможно въ обществѣ отдѣлаться — чтобъ не сочинить того, о чемъ васъ попросятъ. Отказавъ — сдѣлаете неучтивость, или заставите сомнѣваться въ талантъ своемъ; исполнивъ — подвергнетесь кришикѣ, ко-

второй бы могли избѣжать,
если бы выражали свои
идеи, свои чувства . . . Точ-
но таково состояніе Автора,
не говоря еще о безчислен-
ныхъ заботахъ, соединенныхъ
съ нимъ! — И такъ, я дол-
женъ былъ написать по край-
ней мѣрѣ *четыре* куплета,
не требуя ни сюжета — ни-
чего!

*Четыре куплета для А***.*

Сердцамъ холоднымъ сродно
На свѣшѣ все судишь!

Но мы, мой другъ, свободно
Ввѣкъ будемъ лишь — любишь!

сверхъ всего — въ неправильной рѣмѣ: любви и дни.
„Нѣтъ ничего!“ сказала смѣясь милая женщина: „стало не лѣзя было написать: любовь и кровь?“ . . . Увы! богатство во всякомъ родѣ — богатство! слѣдственно . . .
„Понимаю васъ.“

ПОСЛѢДНІЙ ВЗГЛЯДЪ НА
ДНѢПРЪ.

Когда опять приведетъ меня судьба моя на любезные берега твои, о Днѣпръ! . . . Черезъ семь лѣтъ увидѣлъ я тебя снова — но увижу ли впередъ? . . . Можетъ быть въ послѣдній разъ смопрю на величественныя твои волны; можетъ быть въ послѣдній разъ шумятъ онѣ для слуха моего; можетъ быть въ послѣдній разъ люблюсь твоими берегами! . . . Но сіи волны, но сіи берега не перемѣнятъ образа своего въ то время, когда и прахъ

мой исплѣтѣтъ уже въ нѣдрахъ могилы! . . . Они не будутъ чувствовать, что нѣтъ болѣе друга ихъ! . . . Исплѣтѣютъ и цѣлыя царства, народы, но они будутъ украшать себя въ спокойномъ своемъ печеніи! . . . Прости, любезной Днѣпръ! прости, цвѣтущіе милые луга и берега! . . . Я оставляю въ области своей, о милой Днѣпръ! сокровище души моей — моего К*! . . . Каши къ кропкой могилѣ его кропкія волны, и освѣжай прахъ друга моего! — — Ахъ! если бы и мой прахъ освѣжался нѣкогда шобою подлѣ его праха!

XXVII.

РѢДКОЕ БЕЗКОРЫСТІЕ:

Я имѣлъ пріятный случай удивляясь безкорыстію въ такомъ состояніи, въ которомъ оно бываетъ рѣдкимъ феноменомъ — однимъ словомъ: безкорыстію Доктора (*). — Сей почтенный человекъ въ глазахъ моихъ прудился съ жаромъ нѣсколько дней надъ больною женщиною, которая страдала ужаснымъ образомъ отъ случайнаго припадка; не смотря на 50 или 60 лѣтъ своихъ, онъ съ упра

(*) К. И. Р*, живущій въ Новороссійскѣ.

до вечера не опходилъ онъ
поспели больной своей — вы-
лѣчилъ, и ни подъ какимъ
видомъ не хотѣлъ принять
ничего въ знакъ благодарно-
сти за благодѣяніе свое. —
„Теперь я не нуженъ вамъ,“
— сказалъ онъ выздоровѣв-
шей, и уѣхалъ домой.

Этого не довольно: онъ
былъ городовымъ Лекаремъ;
теперь въ онспавкѣ; но го-
родовую больницу и каждого
больнаго въ городѣ посѣщаетъ
такъ какъ и прежде, и безъ
всякаго виду корысти — не
только не беретъ ничего за
труды свои, но еще даетъ
много бѣднымъ. Никпо съ
нѣкошораго времени не могъ

найши возможности подарить его ни самой бездѣлкой.

Не удивляешься ли вы ему вмѣстѣ со мною, друзья мои? не приносите ли ему изъ глубины сердца вашего чистѣйшую жершву почтенія? . . . И кто можетъ видѣть и умолчать о такой рѣдкой душѣ — о такихъ благородныхъ чувствованіяхъ! . . . Проси мнѣ, любезный человекъ, энтузіазмъ мой! Скромность моя не хотѣла бы того, я знаю, чтобъ говорили о тебѣ — но кто можетъ, повторяю, видѣть добродѣтель и оставался холоднымъ въ сердцѣ!

XXVIII.

ЕЩЕ ВЗГЛЯДЪ НА ПОЛТАВУ.

Что была Аркадія, по описанію Поэтовъ, въ Греціи, то или почти то Полшава въ Украинѣ. — Нѣсколько верстъ со всѣхъ сторонъ ѣдете къ ней безконечными садами, прелеснѣйшими ландшафтами, цвѣшущими долинами. Тамъ видите съ чрезвычайнаго возвышенія у ногъ своихъ обширную равнину, съ сверкающими рѣчками, съ густыми рошицами, съ шучными спадами, съ

бѣлыми домиками (*); здѣсь надъ головою у васъ волну- ющаяся, подобно злапому мо- рю, желтые класы, шумящѣ гордые дубы; вокругъ васъ поютъ соловьи . . . Въ нача- лѣ Іюня вы находите здѣсь все то, что бываетъ только въ началѣ Августа на на- шемъ Сѣверѣ.

Съ сладкимъ воспоргомъ, съ упоеніемъ вы нечувстви- тельно вѣдете въ Полшаву: это имя оживляетъ въ серд-

(*) Во всей Украинѣ бѣлятъ .
снаружи, такъ какъ и вну-
три, крестьяне хаты свои. —
Какая чистота, какой видъ
ошъ этого!

дѣ въ вашемъ другія чувствованія — вы ищете другихъ предметовъ — находите, и Полшава остается незабвенною для сердца вашего.

Такъ; кто только проѣхалъ Полшаву, тотъ всегда будетъ вспоминать объ ней; но кто пожилъ въ ней хотя самое короткое время, тотъ будетъ любить ее. То, что во всѣхъ странахъ, во всѣхъ климатахъ, во всей Природѣ есть главное, есть интереснѣйшее — люди здѣсь оптимизно любезны. Я говорю о Полшавскихъ жителяхъ. Какое гостепрѣимство, какая ласковость, какая общественность! Съ ними вы какъ съ родными, какъ съ друзьями;

какъ дома ; съ ними вообра-
жаете вы тѣ Пашріархаль-
ныя щасливыя времена ,

Когда во нравахъ лишь правди-
выхъ

И въ сѣдинѣ почтенныхъ лѣтъ
Величья , шиплы заключались ;

Когда однимъ лишь занимались :
Бышь добрымъ мужемъ и ош-
цемъ ;

Считали въ шрудолюбьи —
славу ,

Въ спокойствіи семьи — забаву,
И ближняго любовь — вънцемъ (*).

(*) Посланіе ко мнѣ моего лю-
безнаго Т * * * , напечатанное
въ 10 Части Иппокрены.

Разспаваясь съ Полтавою — какъ знашь: можетъ бышь и навѣкъ! — я взглянулъ съ живымъ чувствомъ нѣсколько разъ на то мѣсто, гдѣ хотѣлъ построишь домикъ себѣ и жишь съ милою сердцу (*).

(*) Смотри: Полтавское поле.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ
РѢШИТЕЛЬНОСТЬ.

Одинъ изъ моихъ пріятелей, оставя военную службу, прѣѣхалъ въ Москву — на родину свою. Ближайшіе родственники, нѣкоторое знакомство, самой городъ обѣщали ему пріяшность въ новой, спокойной его жизни. Прошелъ годъ, другой — и истинное, ожидаемое удовольствіе не посѣпало еще сердце его. — „Мнѣ смертельно скучно!“ сказалъ онъ мнѣ однажды: „я намѣренъ простишься съ Москвою и навсегда. Съ первымъ шагомъ

въ ней, я потерялся въ спрашномъ физическомъ и моральномъ ея пространствѣ. Все, что ни вижу здѣсь вокругъ себя, все превышаетъ силы мои — мершвишь ихъ: холоднось знакомства, равнодушіе родства, невѣрность дружбы . . . Душа моя не можетъ сносить жестокой ошибки своей: я мечпаль о сладости, и нашель гореснь! Прощаюсь съ Москвою!“

Зная пылкой характеръ его, я не сомнѣвался въ его рѣшительности; чувствоваль глубоко въ сердцѣ моемъ каждое слово его и только невольнымъ вздохомъ отвѣчалъ ему.

Продавъ сто душъ своихъ въ Россіи, онъ купилъ верстахъ въ 30 отъ Полшавы небольшое имѣніе, и — оставя родину, родныхъ, знакомыхъ (всякой ли удобенъ къ этому?), поселился здѣсь. Нѣжный вкусъ и чувствительное сердце его не могли выбрать лучшаго мѣста для философскаго его жилища. Онъ любитъ чтеніе, имѣетъ изрядную библіотеку, выписываетъ новыя книги — и довольно. — „Я щаспливъ сполько,“ — писалъ онъ отсюда ко мнѣ въ Москву — „сколько желалъ бытъ щаспливымъ.“

Милый Р*! я восхищался мыслію, обнять тебя

подъ спокойнымъ кровомъ
твоимъ, раздѣлишь нѣкопое
время съ тобою; былъ
подлѣ него и — не видалъ те-
бя! . . . Всевластные обстоя-
тельства! . . . они не хотѣли
исполнить пламеннаго жела-
нія моего! — Тысячу благо-
словеній послало тебѣ сердце
мое въ вѣяніи крошкаго зе-
фира, прохлаждающаго мир-
ное твое жилище.

МОНАСТЫРЬ.

Видъ монастыря всегда возбуждаетъ въкопорыя идеи и чувствованія: воображеніе о вѣчномъ уединеніи, о разрывѣ всѣхъ связей сердца; воспоминаніе того, что мы читали о монастыряхъ въ романахъ — все это займетъ васъ, можно сказать, невольнымъ образомъ; но монастырь въ лѣсу, въ горахъ, въ пустынѣ имѣетъ волшебное дѣйствіе на душу.

Я ходилъ здѣсь въ шакомъ точно монастырѣ; онъ одинъ изъ славныхъ въ краю

эпомъ (*) чудесами Свя-
шаго. — Въ самое то время,
когда я съ особливимъ дви-
женіемъ чувствъ окидывалъ
взорами разительное мѣсто-
положеніе его — темной лѣсѣ
и высокія горы, раздавался
пропяхной звонъ часоваго
колокола — раздавался по
лѣсу и горамъ такимъ обра-
зомъ, что сердце мое дѣпе-
нѣло. Пріятной ужасъ, свя-
щенное благоговѣніе и ты-
сяча неописанныхъ чувство-
ваній волновали душу мою...
Мысли о шаинсвахъ свя-
щеннодѣйствій Друидовъ, о
спрашннхъ капищахъ, о гроз-

(*) Въ Украинѣ.

ныхъ Оракулахъ, о крова-
выхъ олшаряхъ, о пагубномъ
суевѣрїи древнихъ и проч.,
овладѣли воображеніемъ мо-
имъ; сердце мое билось силь-
но . . . мнѣ казалось, что я
былъ перенесенъ въ оныя
мрачныя, ужаснѣйшія време-
на. — Попомъ другія мысли
и другія чувствованія заня-
ли меня: я обратился къ
обишашелямъ монастыря; ду-
малъ о жизни ихъ, объ упра-
жненіяхъ; хотѣлъ проник-
нуть въ сокровенность сер-
децъ ихъ — видѣшь въ нихъ
всякое чувство, всякое дви-
женіе; хотѣлъ знать каждо-
го изъ нихъ испорію; ме-
чталъ — не знаю по чему —
что испорія каждого есть

дѣль горестей ; бралъ сердечное участіе въ судьбѣ ихъ и вспомнилъ эпопѣ спихъ изъ Заиры :

Qui ne fait compatir aux maux
qu'on a soufferts ?

а потомъ слова Монпаня :
l'imagination est la folle de la
maison — слѣдственно забавляетъ. Правда, Монпань !
Но умникъ разсудокъ часто
заспавляетъ горько плакать
своихъ домашнихъ !!

ПИСЬМА ДРУЗЕЙ.

„Письмо отъ любезнаго намъ — говоритъ Госпожа Жанлисъ — подобно хорошему сочиненію: чѣмъ болѣе читаемъ его, тѣмъ болѣе дѣлаешь оно впечатлѣнія — каковъ бы ни былъ слогъ его. Ежели оно длинно, то съ каждою строкою надѣмся открыть новую черту чувствительности, тонкости, нѣжности; ежели оно не свя-зано, то любовь при чтеніи его находить всегда шайну, придашь ему остроумнымъ

исполкованіемъ прелести, ко-
шорыхъ недоспаетъ въ немъ.“

Дружба въ такомъ слу-
чаѣ похожа на любовь: имѣетъ
общій интересъ, общія чув-
ства съ нею Письма
отъ друзей, которые соспа-
вляющъ сладость жизни на-
шей, которые раздѣляли съ
нами примѣчательнѣйшія ея
эпохи, которые далеко отъ
насъ, которые вездѣ, всегда
занимаются нами . . . можетъ
быть съ меньшимъ трепе-
томъ сердца, съ меньшимъ
волненіемъ души, нежели
спрастный любовникъ, рас-
печашываю ихъ — за то,
какое поле глубокихъ, но без-
мятежныхъ чувствованій,
сильныхъ, но спокойныхъ

идей! — „Они жалѣютъ, что я не съ ними; имъ недостааетъ меня къ полному удовольствію ихъ; они знакомятъ меня заочно со всѣмъ шѣмъ, что имъ пріятно; они переселяютъ меня туда, гдѣ имъ весело; они распространяютъ существо мое!“

— Сіи простыя мысли, простыя чувствованія дѣлаютъ меня истинно счастливымъ!

Чѣмъ болѣе разстояние между любезными намъ, шѣмъ драгоценнѣе для насъ письма ихъ. — Милой Б*! твое письмо изъ Рев*** обворожило меня. Описываемое тобою маленькое путешествіе твое по морю доставило сердцу моему тысячу удовольствій.

Твой Грѣбсвальдъ (*), твоя
сѣдой Гогландъ (**), твоя
Шталь-Ценвальдъ (***) , твоя
картина города, твоя бога-
шой купецъ, твои Историче-
скіе поиски (****) — все
это плѣняло, восхищало

(*) Имя судна.

(**) Островъ.

(***) Тракширъ.

(****) Всѣ сіи предметы опи-
саны съ такою интересно-
стію, которая сдѣлала бы
ихъ пріятными для всякаго
Читателя — и потому про-
шу извиненія у моего въ-
помъ, что я не могъ про-
тивиться желанію упомянуть
объ нихъ.

меня! — — О дружба, живо-
творной нектаръ сердца! да
будушъ дни мои до послѣд-
няго осыпаны твоими бла-
гами!

НОВОЙ ТИМОНЪ.

Кажется, Природа имѣетъ ограниченное количество характеровъ, которые она раздаетъ людямъ. Раскройте Исторію, и вы увидите, что отъ времени до времени являлись тѣ же самые характеры, которые были уже на сценѣ мѣра. Антонины, Маркъ - Авреліи воскрешали Типовъ, Траяновъ; Нероны, Галіогобалы Тиберіевъ, Калигуль; — разсмотрите всѣ нравственныя черты ихъ, и вы найдете совершенное сходство между ими.

Не раскрывая Исторіи, я нашелъ, къ горести моей, новаго *Тимона* со всѣми опшѣнками мрачнаго характера его. — Все, что извѣстно вамъ о славномъ Аѳинскомъ человѣконенависникѣ — все это возникло въ Малороссійскомъ! . . . Имѣя страшное богатство, нѣсколько огромныхъ домовъ въ одномъ мѣстѣ, онъ спашся какъ сова въ ночныхъ шѣняхъ — по естѣ, умираетъ отъ страха, чтобъ не захалъ къ нему кто нибудь. Говоря о людяхъ, онъ бранилъ ихъ со всею горечью кипящей желчи своей; бывая съ ними, онъ мучится очевидно *принужденіемъ*; не знаетъ, куда дѣ-

вашь выглядывающія изъ
подлобья глаза свои . . .
Боже мой! какъ опврапи-
тельна физіономія его! . . и
я былъ нѣсколько дней съ
такимъ человѣкомъ (*)! былъ,

(*) Онъ прїѣзжалъ въ гости къ
намъ. — Надобно знать, что
онъ ѣздитъ въ гости не для
извѣстнаго удовольствія, но
единственно для того, что-
бы пожить на счетъ вашъ
нѣкоторое время со множе-
ствомъ людей и лошадей,
которые дома на самой спро-
гой діетѣ, такъ какъ онъ
и самъ. Надобно также знать,
что гнусная скупость его
превосходилъ все то, что

и спрадалъ въ душѣ сво-

моглѣ только выдумать во-
ображеніе Моліеровъ. — На пр.
онъ всегда возитъ съ собою
въ гости поваровъ, канди-
шеровъ и всѣхъ слугъ своихъ —
Для чего? для практики — —
дома нѣтъ имъ никакой. . .
Не знаю, чему можно припи-
сать уваженіе, съ которымъ
принимаютъ его здѣсь въ по-
время, когда каждый гово-
ритъ о немъ съ крайнимъ
презрѣніемъ! — Анекдоты о
скупости, о жестокости, о
ненависти его къ роду чело-
вѣческому заславляютъ васъ
ужасаться. — Со всѣмъ эшѣмъ
дама съ улыбкою подаетъ
руку ему!

ей! — — Присущствіе его дѣлало надо мною то, чего я еще никогда не испытывалъ: онъ давилъ мысли мои; связывалъ языкъ мой; вливалъ какія-то тяжоспнѣйшія чувства въ душу мою — чувства, которыя перемѣняли лицо мое до того, что одна изъ дамъ моихъ сказала мнѣ тогда: „вы похожи на опчаяннаго!“ — и я былъ имъ въ самомъ дѣлѣ.

Вообще люди, съ которыми я бываю, имѣютъ на чувства мои сильное вліяніе; я подверженъ — кажется мнѣ — сему роду впечатлѣнія болѣе, нежели другіе. Добрые дѣлаютъ меня добрымъ; злые — несчастнымъ: но твой

образъ, о Тимонъ! подобно *Медузѣ*, превратишь всякой разъ въ камень сердце мое!

Смотря на новаго сего Тимона, которой — къ сожалѣнію вашему — имѣетъ нѣкопорыя знаки почестей; зная припомъ посшыдное невѣжество его во всѣхъ вещахъ на свѣтѣ, и то, что всѣ заслуги его есть — игра случая, вы читаете въ мысляхъ нѣкопорыя спрофы изъ *Державина Вельможи*.

Признаетесь ли вамъ, что я хочу вывести еще моего Тимона на *Талину* сцену?.. Уже и планъ гововъ у меня. Думаю, онъ будетъ щасшли-

вѣе Таршюфидина (*), въ
копорой, кромѣ всего, споль-
ко шипографскихъ ошибокъ! —
Какъ вредно для Авпора не
чишашь самому корректуры!

(*) Таршюфида, драматиче-
ска бездѣлка, напечатанная
въ книжкѣ моей: *Цвѣты*
Грацій, во время моего
путешествія.

XXXIII.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛО-РОССІИ.

Ежели въ печеніи дня сердце ваше было грустно, печально, то, вышедъ при захожденіи солнечномъ въ поле, вы пьете въ здѣшнемъ вечернемъ крошкѣмъ воздухъ спасительныя струи Лешы — забвеніе всего, кромѣ счастья. — Какая тишина, какой миръ льется въ душу вашу! какое благоуханіе, какая прохлада осѣждаетъ ваши чувства! Сладкой воспоргъ объемлетъ сердце ваше; цвѣщущія фантазии окружающъ ваше воображеніе —

вы щаспливы и признаешесь
въ щаспїи своемъ!!

Нѣпъ! на уныломъ на-
шемъ Сѣверѣ такихъ лѣш-
нихъ вечеровъ, какъ здѣсь,
не бываетъ! Тамъ безконеч-
ной день испощитъ всѣ си-
лы ваши, и минушной вечерѣ
не успѣетъ предложитъ вамъ
своихъ прїяпностей: здѣсь —
посреди лѣша — въ семь ча-
совъ уже вечерѣ — уже время
прохлады, свѣжеспи и ща-
спїя. — —

Одинъ, съ моими мечпа-
ми, съ моимъ сердцемъ, иду
въ поле или рощу, на-
слаждаюсь вечернею Приро-
дою. — Заботы и прискорбїя
дня исчезають мгновено въ
живошворныхъ обьящїяхъ ея

— подобно какъ въ объятїяхъ
спрастной любовницы, или
нѣжнаго друга; душа моя
освобождается отъ всѣхъ тяж-
желыхъ узъ Рока — и я
благословляю участь свою.

Смотря на прекрасной
разноцвѣтной Западъ — на
солнце, которое въ видѣ ала-
то яхонтоваго шара съ вели-
чественнымъ спокойствїемъ
опускается очевидно ниже —
ниже, думаю о томъ вре-
мени, когда сморѣлъ я на
се великолѣпное зрѣлище
Природы изъ оконъ Д* или
Т*; множество другихъ слад-
кихъ воспоминанїй слѣдуетъ
за этѣмъ; съ благодарнымъ чув-
ствомъ говорю *прости* мило-
му солнцу; оглядываюсь кру-

гомъ, ищущу новыхъ прелестей, и вижу въ противоположности его другой, ему подобной, шаръ — блѣдную луну, которая по мѣрѣ, какъ опускается и тускнеть зашмѣвающее ее свѣпило, возвышается и получаетъ сѣянiе... Такъ щастiе одного смершнаго зиждется на бѣдѣшви другаго! такъ меркнетъ одинъ и уступаетъ блескъ другому!

Люди! вопшъ образъ судьбы вашей!

XXXIV.

ОТТѢНОКЪ ШВЕЙЦА- РІИ (*).

Имѣя нѣкоторую живость воображенія, чувствительность сердца, можно ли не знать Швейцаріи и не бывъ въ ней — не знать прекраснѣйшей въ мірѣ природы ея? Кто не читалъ Новой Элоизы,

(*) Въ этой части, собственно называемой *Малороссія*, по старому имени *Литвою*, вообще прекрасная мѣста. — Здѣсь первое жилище наше; мы спѣшили возвратиться сюда и теперь наслаждаемся ими.

писемъ Рускаго Путешественника? кто не зашвердилъ въ памяти и сердцѣ своемъ всего того, что описано въ нихъ? . . . Я читалъ — помню и часто дѣлаю *сравненія* по одному воображенію.

Представыте себѣ высокую, длинную, лѣсомъ одѣтую гору, кошорая кажется вамъ спѣною; у самой подошвы ея, омываемой рѣчкою, деревеньку съ господскимъ домикомъ и другими строеніями — не маленькая ли это *Юра*? не маленькая ли *Кларанъ*? — Подойдя къ горѣ, вы увидите множество между густыми деревьями узенькихъ, ведущихъ на нее,

дорожекъ ; избираете одну — идете по ней — выходите на довольно широкую ровную дорогу , каторою нечувствительно поднимаешесь подъ темными сводами деревъ — и вдругъ увидите себя на открытомъ мѣстѣ , на чрезвычайной вышинѣ . — Прелестнѣйшія сцены поражаютъ взоры ваши : необозримая долина, мелькающія озера, множество рошей — одна другой лучше — множество деревень — одна другой красивѣе — нѣсколько алѣющихъ крышекъ , нѣсколько бѣлѣющихъ церквей — — не опшѣнокъ ли это долинъ Швейцарскихъ , съ Леманомъ , съ Цирихомъ , съ Берномъ , съ

Гриндельвальдомъ, съ Лозаною? . . . По крайней мѣрѣ воображеніе и сердце съ удовольствіемъ находящъ сходство сіе! — —

Хозяинъ здѣшняго Клара и Юры (*) достоинъ своего владѣнія: онъ имѣетъ нѣжное сердце, любитъ Природу и искусства (**), наслаждается ими и не завидуешь милліонщикамъ. — Милая женщина раздѣляетъ съ нимъ щасліе его жизни; — вы увидите въ нихъ Юлію,

(*) П* И* М***.

(**) Онъ знаетъ совершенно музыку и играетъ превосходно на скрипкѣ.

Сен - Прё , и , пронувше въ душѣ своей , благословляеше судьбу ихъ.

Гуляя съ хозяиномъ и другими его госпями по здѣшнимъ Альпійскимъ горамъ , я вспомнилъ нѣсколько разъ съ живѣйшимъ чувствомъ о нашихъ Воробьевыхъ , на которыхъ гуливали мы съ любезнымъ Д* , съ любезнымъ Т* !

Возвратясь съ прогулки , мы были и подчиваны по Швейцарски : молоко , сыръ , масло утолили жажду и аппетита нашъ , возбужденныя моціономъ.

Друзья мои ! ежели вы желаете щаспія вашему другу , но не желайте ему ни

богатства, ни почестей, ни славы — желайте только шакого уголка, которой бы напоминалъ ему щасливую Гельвецію, и шакой подруги, копорая бы оживляла въ душѣ его образъ Руссовой Элоизы!

XXXV.

НОВОЕ СРАВНЕНІЕ.

Не припишите энтузіазму моему, ежели я дѣлаю такія сравненія, копорыя могутъ показаться увеличенными. Будучи на моемъ мѣстѣ, вы бы сами смотрѣли на предметы мои точно такимъ же образомъ, какъ и я. — Вотъ еще сравненіе.

Сборшите нѣсколько страницъ назадъ, и вы найдете *Любимца фортуны*. — Верстахъ въ 12 отъ шеперешняго нашего жилища, и въ шести или семи отъ

Уѣзднаго города (*), есть у него другая деревня, съ старымъ большимъ домомъ, съ старымъ регулярнымъ садомъ, къ которому примыкаетъ дикая обширная роща. Вообще прекрасное ея мѣстоположеніе, живописныя вокругъ виды, копорыми любуетесь вы изъ оконъ дома, изъ проспектовъ алей, изъ пѣней павильоновъ; прибавьте къ этому очаровательность духовой музыки, копорая сливается сладкіе тоны свои съ тихимъ шумомъ деревъ; другую инструментальную, копорая гремитъ въ пространствѣ залы. — — „Это

(*) Стародуба.

Кусково! “ сказали бы и вы вмѣстѣ со мною — сказали бы по какому - то еще шайному сходству, котораго описать не умѣю, но которое, подобно мнѣ, нашли бы и вы безъ сомнѣнїя. Какая - то особливая физіономїя — если ли можно слово это употребить въ такомъ мѣстѣ — *Пантусова* (*) напоминаешь вамъ всеминутно *Кусково*.

Мы угощались и шумѣ любезнымъ хозяиномъ самымъ прїятнѣйшимъ, самымъ обязательнѣйшимъ образомъ. — — Если бы позволено было сдѣлать параллель и между

(*) Имя деревни.

Господиномъ Кускова и Госпо-
диномъ Паншусова, по . . .
прочissime *Любимца* фортуны!

СЕЛЬСКОЙ ПРАЗДНИКЪ.

Для друга человечества и Природы есть неизъяснимое удовольствіе въ чистомъ веселіи чистосердечныхъ поселянъ; простое пиршество ихъ кажется ему величественнѣйшимъ торжествомъ добродѣтели и счастья, неразлучна о съ нею; онъ самого себя находитъ добрѣе и счастливѣе, дыша, такъ сказать, вмѣстѣ съ ними невинными радостями ихъ.

Все это узналъ я собственнымъ опытомъ. — Здѣсь сохраняется древнее обыкновеніе праздновать оконча-

нїе жашвы — оспапокъ вре-
менъ языческаго богослуже-
нїя (*). — Я былъ пригла-
шенъ однимъ изъ здѣшнихъ
Помѣщиковъ, съ другими его
прїяшелями, на это праздни-
ство, и обязанъ ему — кромѣ
милой дружбы его, копорая
не входилъ въ обыкновенныя
одолженїя — прїяшнѣйшимъ
удовольствїемъ сердца.

Ввечеру, по захожденїи
солнца, на зеленомъ лугу и
маленькихъ островкахъ свѣш-
лой рѣчки, подлѣ сосновой

(*) Кулало у Славянъ былъ
то, что Церера у Грековъ.
Ему приносили первые дары
земледѣлія.

рощи и во внутренности ея
запылали смоленыя бочки,
поспавленные высоко на де-
ревахъ; неперпѣливые по-
селяне пошekli со всѣхъ сто-
ронѣ на мѣсто веселія; сель-
скіе *Дицы* ударили въ смыч-
ки свои; — шамѣ раздались
нѣжныя свирѣли — здѣсь
громкія пѣсни; молодыя
крестьянки и крестьяне со-
спавили рѣзвыя пляски; по-
жилые сѣли за спюлы, на
которыхъ изъ большихъ сосу-
довъ благоухалъ нектарѣ и ам-
брозія ихъ — горѣлка и свѣжій
хлѣбъ; — иные бросились на
качели, спавленные въ
рощѣ; прочіе разсѣялись
по рощѣ и лугу; — мы хо-
дили вездѣ и веселились съ

щаспливыми поселянами. Добрай ихъ Помѣщикъ радовался искренно щаспїю ихъ, и раздѣлялъ его съ ними въ чувствительномъ своемъ сердцѣ (*).

Все, что Виргилїи, Геснеры, Флорїяны, Делилли воспѣли на безсмертныхъ свирѣляхъ своихъ, оживилось въ памяти — въ душѣ моей . . . Ахъ! какъ они должныствовали бытъ щаспливы въ минушы своихъ вдо-

(*) И* П* Ч***. Онъ въ женатъ и живеть вмѣстѣ съ роднымъ брашомъ своимъ, также не женатымъ и также любезнымъ чловѣкомъ, достойнымъ дружбы его.

хновеній! какъ добры должны
быть сердца ихъ! —

Qui fait aimer les champs, fait
aimer la vertu.

Делиль.

Люблю поля, люблю и
добродѣшель — люблю и ше-
бя, Делиль!!

Сушки прожилъ я съ лю-
безнымъ обществомъ друзей
милаю Ч*** — и всегда съ
новымъ удовольствіемъ буду
вспоминать о семъ времени.

XXXVII.

ФОРТЕПИЯНО.

Въ тихія, нѣжныя минушы вечера, въ уединенной комна-
тѣ, при блѣдномъ свѣтѣ лу-
ны, томные звуки фортепья-
но, производимые женщиною
— въ слезахъ... ничего не
знаю трогательнѣе этого!..
Ахъ! какія магическія чув-
ства овладѣють душою и
сердцемъ вашимъ! Образъ ща-
спія и горести, надежды и
отчаянія въ сліянныхъ чер-
тахъ предстанетъ вашему
воображенію. Напрасно буде-
те стараться опредѣлить од-
но отъ другаго: нѣтъ воз-
можности! Союзъ улыбки и

слезы — доля человѣческая! —
въ сѣи минушы болѣе, неже-
ли когда нибудь, покажется
вамъ неразрывнымъ. . . Еже-
ли вы любили; ежели узна-
ли сѣю главную, необходимую
бурю жизни, то вы еще чув-
ствительнѣе — то вы еще
болѣе находите себя въ оча-
рованіи. . . . О сердце! о лю-
бовь! благо ли вы, или мука? . . .
Кто можетъ сказать *да* или
нѣтъ — сказать и не оши-
биться! . . . Гдѣ же блажен-
ство наше? не уже ли *бла-*
женство пустое слово? . . . Ахъ,
нѣтъ! . . . сердце и любовь. . . .
но роза *не могла* быть безъ
шернія! — — Вдыхаю и про-
спираю руки къ блаженству;
лью слезы и объемлю его! . . .

Одной изъ дамъ моихъ
обязанъ я сладостью шепере-
вшихъ моихъ чувствъ и мы-
слей. Ея форшепіано и сле-
зы — слезы женщины за фор-
шеніаномъ — вообразите еще
разъ! — имѣли несказанную
прелесть для души и сердца
моего . . . Ахъ! можетъ быть
собственная душа и сердце
ея въ сіи минуты были ша-
сшлавѣе, нежели въ другія!

XXXVIII.

ОСТРОВЪ ЛЮБВИ.

... On fait que de l'Amour
Les îles en tout temps sont le plus
cher séjour.
Delille.

Не нужно сказывать, гдѣ именно и у кого, скажу только, что здѣсь и у любезнаго челоуѣка въ прекрасномъ селѣ его есть Островъ Люви. Я былъ на немъ — и не одинъ. — „Съ хозяиномъ?“ — Нѣтъ: съ прелестной Нимфой, которая служила мнѣ проводникомъ на *островъ любви* тогда, когда любовь была въ сердцѣ моемъ!.. Онъ окруженъ другими маленькими островками,

которыя образуютъ Дедаловъ
Лабиринтъ. Долго переходили
мы черезъ моспики изъ одно-
го на другой и — вдругъ
очутились во святилищѣ
его: это роскошной павиль-
онъ изъ густыхъ, пѣнисныхъ,
непроницаемыхъ деревъ въ
самой срединѣ острова, гдѣ все
дышешь любовью, щасьемъ
и надеждою . . . Сердце мое
взволновалось; мысли обворо-
жились, разсѣялись въ ты-
сячѣ сладостнѣйшихъ мечта-
нй . . . „Не прекрасное ли
это убѣжище любви?“ спро-
сила у меня милая Арїядна
моя съ нѣжнымъ, помнымъ
взглядомъ. — Я не могъ ни-
чего отвѣчать ей; устремилъ
на нее взоры мои; невольные

вздохи ленили изъ груди
моей; — шоржесшвующий Ку-
пидонъ сыпалъ стрѣлы на
сердце мое . . . мы были на
островѣ любви — имя его
не было тщетнымъ для
насъ — и онъ не будетъ заб-
венъ вовекъ въ сердцѣ моемъ...
Ахъ, Делила! и я узналъ,
что

de l'Amour

Les îles en tout temps sont le plus
cher séjour!

узналъ — и люблю себя еще
болѣе!!

Царямъ и Вельможамъ
не завидую: завидую только
блаженству — обладашь все-
гда милою и такимъ остро-
вомъ, на которомъ былъ я

нѣсколько минутъ съ милою!
— — для чего не дней — не
мѣсяцовъ — не вѣкъ!!!

XXXIX.

Ч Т Е Н І Е.

Въ деревнѣ, въ щастливой
пишинѣ ея, всякое удоволь-
ствіе живѣе. — Сидя (около
вечера) у открытаго окна,
подъ яснымъ небомъ, передъ
зелеными деревьями сада,
чишаю съ такимъ удоволь-
ствіемъ, котораго въ шум-
номъ городѣ заманишь въ серд-
це почти никакъ невозможно.
Свѣжестъ чувствъ и мыслей
моихъ подобна свѣжести ни-
чѣмъ не зараженнаго воздуха;
нѣсколько разъ повторяю од-
ну фразу, одно слово — чпобъ
не вдругъ выпить божествен-
ный нектаръ, но по-немногу,

но прихлебывая охъ!
сластолюбіе ума во сто разъ
шонѣ всякаго сластолюбія
на свѣшѣ! Это ис-
шинная роскошь Эликуро-
ва; это истинное блажен-
ство смертнаго! Умъ,
шаланнѣ, книги! что мо-
жетъ сравняшься съ вами!..
Безъ васъ все недосташочно,
все грубо, мертво; а съ
вами — съ вами въ шшинѣ
сельской, въ прохладѣ шѣней,
подлѣ милой, копорая умѣетъ
цѣнить, чувствовашъ васъ...
укажише мнѣ лучшее наслаж-
деніе!

Однажды въ кругу лю-
безныхъ дамъ моихъ чиналъ
я Вѣспника Европы, кошо-
рому въ особенноти жишели

провинцій сполько обязаны пріятнѣйшимъ удовольствіемъ! Особливое вниманіе чувствительныхъ моихъ Слушательницъ къ исторіи *Рыцаря нашего времени* (*) было прервано — игрою случая: въ самое то время, когда я читалъ въ ней слѣдующее: „такъ вѣрный подсолнечникъ не переспазаетъ никогда обращаться къ солнцу и проч.“ — подсолнечникъ лежалъ на сполникѣ передъ нами; вдругъ по невольному движенію мы всѣ взглянули на него — потомъ другъ на друга — взглянули и засмѣялись. — „Какъ

(*) Книжка тринадцатая.

онъ зашелъ шуда?“ — По милоспи пресыщенія... милыхъ дамъ моихъ: всякой день вишни, персики, абрикосы и проч., шо ешь, всякой день одно да одно — надоѣсть конечно... надобно было что нибудь новое, другое — и подсолнечникъ на столикъ... Какой при томъ былъ случай для любезныхъ непостоянницъ хвалишься щаспливымъ своимъ *инстинктомъ*!.. Теперь подсолнечникъ не выходитъ изъ рукъ ихъ, а по возвращеніи въ Столицу безъ сомнѣнія цвѣтокъ эшотъ будешь у нихъ и на печашяхъ; теперь — признайся ли? — и я поглядываю на него съ особливими чувствами; думаю

о Леонѣ, о сравненіи чувствительнаго сердца съ подсолнечникомъ и о своей печати, на копорой къ щастію еще ничего не вырѣзано, и копорая, кажешся, ожидала эшой милой эмблемы.

XL.

ЛЮБОПЫТСТВО.

Ежели любопытству — сей щасливой склонности разума — обязаны мы важнѣйшими вещами, всѣми знаніями, всѣми пріобрѣтеніями — всѣмъ наконецъ, чѣмъ ни пользуемся вокругъ себя, то любопытству же одолжены многими прискорбіями въ жизни нашей. Одно и другое безъ разбору называютъ *любопытствомъ* — но какъ различны характеры ихъ! Одно влечетъ насъ ко всему изящному, ко всему великому; другое къ мѣлочамъ, къ присма-

приванію за поспупками ва-
шими и проч. Несносной по-
рокъ въ общежитіи, онравля-
ющій пріятности его — и
по тому болѣе, что онъ при-
надлежитъ . . . прекрасному
полу, составляющему душу
общества! . . . Ахъ! просните
мнѣ въ жестокой испинѣ
моей! . . . я былъ жертвою
его за самую бездѣлку, въ
самомъ невинномъ обстоя-
тельствѣ и самымъ чувствви-
тельнымъ образомъ; сердце
мое еще страдаетъ; рана его
такъ свѣжа еще! . . . Несчаст-
ные спихи — вѣчное бѣд-
ствіе спихотворца! — возбу-
дила несчастное любопыт-
ство одной изъ дамъ нашего
общества; слѣдствіе его было

для сердца моего мукою :
надлежало изъясняться въ
жару оскорбленія — съ жен-
щиною ! причинишь ей мно-
жесиво неудовольсвйй опъ
шого , что не умѣлъ скрышь,
не умѣлъ не почувсввоватъ
моего ; вышерпѣшь разные ,
не самые лесные эпипешы
за то , что я не очень за-
служилъ ихъ — — какое по-
ложеніе ! . .

О женщины , женщины !
самой помной Селадонъ на
моемъ мѣспѣ давно бы . . .
ищу выраженія сколько мож-
но нѣжнаго для идеи моей . . .
разлюбилъ васъ ; но я , не
смотря на безчисленность жи-
вѣйшихъ горестей , причи-
ненныхъ вами сердцу моему ,

не смотря на шайные объѣты
самому себѣ, не любить васъ
— я все такъ люблю, такъ
почитаю васъ, все такъ привя-
занъ къ вамъ! . . какъ бышь!

Tel par sa pente naturelle,
Par une erreur toujours nouvelle,
Quoiqu'il semble changer son cours,
Autour de la flamme infidelle
Le papillon revient toujours.

ЕКАТЕРИНИНЪ - ДАРЪ.

Великой, незабвенной, обожаемой Монархини одному изъ шѣхъ щасливыхъ смертныхъ, копорые изумили судьбу свою обращеніемъ особливаго ея взора на себя (*) — село, достойное своего имени; даръ, достойный руки своей! Оно служишь славою и украшеніемъ своего Края (**).

Подъѣзжая къ нему, видите такое мѣстоположеніе, копорое *скрываетъ* что — то опъ неперпѣливыхъ глазъ

(*) Г* П* В* З***.

(**) Малороссійской Губерніи.

вашихъ ; обѣщаетъ вамъ многое и зоветъ васъ, шакъ скажашь , во святилище свое ; — потомъ видите прекрасно выстроенное село и великолѣпную церковь Греческой и Римской архитектуры вмѣстѣ ; наконецъ огромныя палаты , которыхъ флигели , выходя изъ корпуса дома наровнѣ со вторымъ этажемъ его , представляють вамъ ошверстныя обѣщанія — можетъ быть символическое выраженіе гостепрїимства хозяина — не знаю. — Внутренность дома соотвѣтствуетъ красотѣ наружности. Въ главной гостиной въ главной мѣснѣ виситъ во весь ростъ портретъ — божества мѣсна

сего, божества души и сердца
 хозяина — портретъ ЕКА-
 ТЕРИНЫ II. Мраморные бю-
 сты, статуи; превосходныя
 картины, зеркала украшаютъ
 всѣ комнаты; для нѣкоп-
 рыхъ приготовлены драгоцѣн-
 ныя Французскія *гоплицы*. —
 Я жалѣлъ, что картины,
 которыхъ очень много, не въ
 одной особливой галлерей. Въ
 кабинетѣ хозяина есть одна
 достойнѣйшая примѣчанія:
 магическая кисть художника
 изобразила спящую Венеру
 безъ всякаго покрывала, кро-
 мѣ собственнй руки ея, на
 копорую самой спрашной Ми-
 зогинѣ тихонько подосадуешь,
 по тому, что она служилъ
 самымъ спогимъ покрыва-

ломъ Какія прелести! . . .
все въ ней — Венера, какъ го-
воритъ дю Папи о Медицей-
ской; но что всего лучше,
то она не Рубенсова, не Кор-
реджіева, а собственнаго
Апеллеса — слѣдственно упо-
добленіе Медицейской Венерѣ
проспительно. — Можно мимо-
ходомъ сказать, что наша
Малороссія — другая Италія:
живописцы, пѣвцы и музы-
канты здѣсь образуются При-
родою. — Въ этомъ же каби-
нетѣ и портретъ хозяйки, ко-
торуюбъ я также принялъ
за Венеру, еслибъ не пред-
упредили меня.

Теперь желалъ бы я бытъ
самъ Апеллесомъ — чтобъ
чудошворною кистію напи-

сать вамъ здѣшній истинно
Англійской садъ. — Вамъ ука-
зываютъ его, и вы смотри-
те на дремучій лѣсъ; входи-
те въ него, и понимаете
ошибку свою. Прежде всего
встрѣчается глазамъ вашимъ
бѣлой величественной па-
вильонъ, осѣненный съ трехъ
сторонъ высокими густыми
деревьями; приближаешься къ
нему, и видите въ центрѣ
колоннады его Задунайскаго
Ахиллеса — бронзовую во весь
ростъ спашую на дикомъ
мраморномъ пьедесталѣ. Я
снялъ шляпу передъ Героемъ;
осматривалъ его почти съ
благоговѣнiемъ и читалъ въ
мысляхъ стихи нашего Ла -

Фоншена къ сей самой спануѣ :

Ночпешный ликъ ! когдабъ пы
былъ сооруженъ
Съ перуномъ пламеннымъ на бе-
регахъ Кагула ,
Гдѣ гордый Музульманъ расшер-
занъ , низложенъ ,
И гдѣ земля въ крови несчастныхъ
жертвъ понула ;
Тогда бы , на себя взирая , каж-
дый рекъ :
„Румянцовъ славный вождь !“ —
и мимо бы прошекъ .
Но здѣсь , здѣсь всякъ себя
прохожій лобызаетъ :
Здѣсь не Герой въ тебѣ бли-
скаетъ ,

Прославившій себя единою вой-
ной,
Обрызганъ кровію враговъ среди
сраженій;
Но другъ, но ближній мой
И благошворный Геній (*)!

Онъ изображенъ, по обы-
кновенію, въ Римской одеж-
дѣ, съ открытою головою;
шлемъ его повѣшенъ на суч-
кѣ пня, на кошоромъ Герой
присѣлъ не много, чпобъ от-
дохнуть послѣ безмернаго
труда своего; въ одной рукѣ
у него Фельдмаршальской
жезлъ свой, кошорымъ ка-
саешся онъ къ щипу герба
своего, у лѣвой ноги споя-

(*) См. И мои бездѣлки.

щему, и имѣющему сей Латинской девизъ: *non solum armis* (не только оружіемъ) — девизъ не самой скромной; но Алькидамъ ли уважать скромность? — На базѣ спатуи изображены побѣды его — Кагуль съ страшною непріятельскою бапареею и проч.

Благодарность воздвигла монументъ сей! — Сказываютъ, что хозяинъ никогда съ покрыпою головою не подходитъ къ нему.

Благодарность, святая благодарность! ты прогательнѣе, любезнѣе самаго благошворенія! ты служишь опытомъ изящнаго сердца! —

Попомъ идете березовымъ проспектомъ, изъ котораго выходите на меланхолическія узенькія излучистыя дорожки; задумываешесь; желаете милаго сердцу вашему товарищемъ себѣ . . . Признаюсь, что, гуляя по симъ дорожкамъ, я безпрестанно вспоминалъ о шѣхъ двухъ картинахъ, которыя въ кабинетѣ хозяина, и о которыхъ я говорилъ вамъ: онѣ представлялись мыслямъ моимъ въ соединенномъ образѣ . . . Тамъ находите купальню, которая приведетъ на мысль вамъ купальни Аспазій, Альцибіядовъ; здѣсь храмъ покоя съ Греческою надписью; тамъ дикую пущыню, въ ней полу-

развалившуюся хижину, въ копорой жилъ нѣкогда — деревянной анахоретъ; немного подалѣе оцѣ нее уединенный храмъ его; здѣсь звѣринецъ съ быспрыми оленями; шамъ залу безпечноспи (sans-fouci). Сидя на галлереѣ ея, можно забавляпсья правлею дикихъ зайцовъ, копорыхъ въ саду очень много, и копорыхъ выгоняющъ на площадку къ самой галлереѣ; или прекраснымъ опдаленнымъ видомъ, ибо мѣспоположеніе ея по сплугорѣ выше деревьевъ, передъ нею шумящихъ; здѣсь прелеспной зеленой лужечикѣ по немъ извивающуюся свѣсплую рѣчку — на ней плавающихъ гордыхъ лебедей; на-

конецъ множество оранжерей съ лучшими деревьями, съ злыми плодами и проч. и проч. Каменная сѣна обносилась кругомъ всего сада — сѣнаго пространства; но вотъ замѣчательная черта въ одномъ мѣстѣ, гдѣ идетъ сѣна сѣя, стоялъ древній развѣсистый дубъ; ему приходилось остаться внѣ сада: хозяинъ велѣлъ обнести его сѣною — и дубъ, стоя въ треугольникѣ, говоритъ, кажется, прохожему: „я покоюсь въ уваженіе лѣтъ моихъ по великодушію моего владѣтеля.“

Мы были здѣсь всѣмъ своимъ обществомъ и прожили нѣсколько дней. Когда сѣ-

ли въ первой разѣ объдашь, то раздалась вдругъ музыка въ круглой великолѣпной залѣ подлѣ столовой. — Блещущій столъ, огромная музыка, златые черпоги и мысль, что угощаемся безъ хозяина (*) — все это такъ было похоже на очарованіе, на Феино жилище, на волшебной замокъ — все это такъ плѣняло рыцарское воображеніе мое и вкусъ къ чудесамъ романовъ! . . . Послѣ симфоніи заиграли съ хорами пѣвчихъ извѣстный Польской: *Славься симъ, Екатерина*; слезы засверкали въ глазахъ у

(*) Которой очень рѣдко живешь здѣсь.

нѣкоторыхъ изъ дамъ моихъ...
Ахъ! имя ЕКАТЕРИНЫ, столь
драгоценное вездѣ и всякому,
могло ли не прогашь здѣсь
и облагодѣшельствованныхъ
Ею! . . . Я также пронушь
былъ до глубины души моей,
и самымъ сладоснѣйшимъ
образомъ. — Мѣспо хозяина
засшупаль родной брашъ его.
Я жалѣлъ, для чего онъ не
настоящій хозяинъ подобнаго
Екатерининъ - дара, будучи
настоящимъ человѣкомъ! . . .
Какая душа, какой харак-
теръ! Діогенъ погасилъ бы
передъ нимъ фонарь свой —
клянусь вамъ въ эпомъ —
или по крайней мѣрѣ, друзья
мои, вы вмѣспѣ со мною не

пошли бы искашь другаго, лучшаго челоуѣка. —

Когда вы смоуриете здѣсь на безѣискусшвенную богашую Природу и на великолѣпный городской домѣ, то воображаете его госшемѣ, иностранцемѣ, копорой забрелѣ сюда изѣ Петербургской Милліонной . . . Такой контрастѣ разрушаетѣ, кажется, связь идей о сельскихѣ пріятноствяхѣ.

Признаюся искренно, что Екатерининѣ-дарѣ пребуешѣ лучшей кисти, нежели моя — но я сдѣлалѣ эскизѣ его, и для меня довольно.

РАЗСТАВАНІЕ.

Екатерининъ - даръ былъ сценою разставанія моего съ любезнымъ моимъ общесвомъ. Петербургъ и Москва разлучили насъ; въ послѣдней милое сердцу моему, и я спѣшу кинуться въ ихъ объятія. — Вы угадываете, друзья мои, что я не могъ равнодушно оставить людей, съ которыми препроводилъ я болѣе полугода — и не ошибаетесь . . . Ахъ! сердце мое такъ скоро привязывается! къ тому же я такой *animal d'habitude!* . . . но скажете ли вамъ, друзья мои, что я не рѣдко

жалѣю, для чего я не *во всемѣ*
animal; для чего нахожу себя
иногда съ такими понкими,
съ такими эфирными нерва-
ми въ то время, когда дру-
гіе люди съ такими щаспли-
выми! . . .

Я захопѣлъ еще побы-
вать на очаровательномъ Ка-
липсиномъ островѣ, въ Ци-
перѣ, въ Паѳосѣ, въ Аѳи-
нахъ — однимъ словомъ . . .
въ *Будѣ*, и могу еще нѣчто
сказать вамъ объ ней.

Она была на эпошѣ разѣ
во всемъ сіяніи своемъ, во
всей славѣ, во всѣхъ чуде-
сахъ своихъ; въ ней угощал-
ся Малороссійской Генераль-
Губернаторъ, К* А* Б* К***.
Вѣроятно ли покажешся вамъ,

ещьли скажу, что удивленіе его опть всего того, что онъ нашель въ Будѣ, было безмѣрно? Докажешьли своимъ удовольствіямъ его служишь по, что, располагаясь проводить однѣ сутки въ ней, онъ прожилъ шесть. — Я опишу только главныя черты сего случая.

Ввечеру за нѣсколько минутъ до пріѣзда ожидаемаго Госпя, двѣ большія галлерей наполнились дворянами, которыхъ въ короткое время онъ такъ привлекъ, такъ привязалъ къ себѣ своею любезностію (*). Версты четыре

(*) Мѣсяца три только, какъ прибылъ онъ къ должности своей.

ѣхалъ онъ огненнымъ проспектомъ пылающихъ смоляныхъ бочекъ; дворъ и домы были также въ пламени. По прїѣздѣ и послѣ чаю поведенъ былъ въ театръ. Оркестръ молчалъ; занавѣсъ; главная актриса явилась на сценѣ, и прїятымъ, прогашельнымъ голосомъ сказала рѣчь къ почтенному Госпю; занавѣсъ опустился, музыка загремѣла; занавѣсъ поднялся снова, и Опера, *Школа Ревнивыхъ*, очаровала слухъ и зрѣніе. За нею слѣдовалъ балетъ *Венера и Адонисъ*. Въ послѣдней сценѣ его, Купидонъ силою всемогущей стрѣлы своей превращаетъ дикій лѣсъ въ великолѣпный

храмъ , съ огненною на фронтонѣ надписью : *добродѣтели и гести* ; во внутренности его возвышался жертвенникъ съ пылающими сердцами передъ вензловымъ именемъ Госпя; позади его была транспарантная картина , которая изображала парящую Славу , и имѣющую , по обыкновенію , въ одной рукѣ трубу , а въ другой свитокъ съ его же вензелемъ и богиню правосудія съ вѣсами и съ ландкаршою Малороссіи; внизу группу Геніевъ , держащихъ свитокъ съ сими словами : *каждому отдаетъ свое* ; напоследокъ ряды въ лазуревомъ огнѣ пылающей колоннады храма ; множество народа, окру-

жающаго жертвенникъ, Граціи и Амурь, живописная фантастическая кадрилъ, копорая служила финаломъ спектаклю — все это, можно сказать во всей силѣ слова, поразило зрителей, копорыхъ на этотъ разъ въ сельскомъ театрѣ было болѣе, нежели какъ бываетъ или бывало иногда въ Московскомъ (*). Главной Зритель хвалилъ все даже съ энтузіазмомъ. „Это волшебство!“ — сказалъ онъ нѣсколько разъ.

По окончаніи спектакля вошли въ танцовальную галерею; шумъ загремѣлъ хоръ

(*) Разумѣется господь.

Нимфъ, аккомпанируемый оркестромъ.

Х о р ъ.

Громы радостны дѣшайтесь
Съ чувствомъ радости живой ;
Въ душу, въ сердце проливай-
тесь
Быстрой, пламенной рѣкой !

Не Аенискихъ блескъ, сіянье
Пиршествъ взоры здѣсь слѣпите ;
Лишь усердное желанье
Угоспите себя горите.

Гость дражайшій, возделанный !
Тиміамъ оны чувствъ простой,
Сердцемъ искреннимъ возжен-
ный,
Здѣсь курится предъ инбой.

Сельски скромныя забавы
Городскихъ не замѣняшъ :
Тамъ блестящей ищущъ славы,
Тамъ похвалъ, вѣнцовъ хопяшъ;

Здѣсь одной улыбкой, взоромъ
Награждающя сердца. —
Музы! пойте щастье хоромъ
Безъ похвалъ и безъ вѣнца.

Громы радостны мѣшайтесь
Съ чувствомъ радости живой;
Въ душу, въ сердце проливай-
тесь
Быстрой, пламенной рѣкой!

Попомъ шотъ самый Ку-
лидонъ, которой въ балешѣ
сдѣлалъ чудесное превращеніе
— осьми или девятилѣшняя
прекрасная съ щастливымъ

органомъ дѣвушка, подошедъ
къ Госпю, сказала благодар-
ную рѣчь за то удовольствіе,
которое изъявилъ онъ въ
спектаклѣ, и въ заключеніе
просила о позволеніи вручитьъ
ему *нѣкоторую жертву сердца*
— стихи (вашего покорнаго
Поэта) *на слугай его посѣще-
нія Буды:*

Пишомцуль Музъ съ покойнымъ
взглядомъ,

Съ покойнымъ сердцемъ и ду-
шой,

Смотрѣшь — внимаешь, съ дру-
гими рядомъ,

Средь дѣйствій радости жи-
вой?

Внимаю, вижу — и рѣкою
Жарь Феба льется въ грудь мою;

Беру забышу лиру, — спрою (*),
И въ восхищеніи пою.

Вельможа ! власшю не гурдяся,
Сердцами хочеш пы владѣшь ;
И къ пользамъ общества спре-
мьяся ,

Любовь наградою имѣшь . . .
Любовь , награда несравненна ! . .
Она милѣе олшарей ,
Которыхъ гурдость упоенна
Желаетъ пышности своей !

И такъ , любовь — сей даръ
безцѣнный
Для смертнаго въ его судьбѣ ! —
Душею , сердцемъ въ даръ не-
платный ,
О Князь ! приносится тебѣ !

(*) Авторъ давно не писалъ стиховъ.

Она вездѣ тебя встрѣчаетъ;
Вездѣ вѣнки тебѣ плететъ;
Твоей улыбкой возникаетъ,
Твоими взорами цвѣшетъ.

Такъ солнечны лучи весною,
Пролившись на влажный лугъ,
Очамъ пріятной песпрошою
Покроютъ ярку зелень вдругъ,
Лилеи, розы армашины
Явятся въ прелести своей . . .
Лучи златые, благодатны!
Изящныхъ въ символъ людей!

Уже сей Край (*) надежно
льстившися,
Что за Авророй алой въ слѣдъ
День свѣтлый счастья явится,
И въ славный путь свой пошлетъ

(*) Малороссія, которая была
управляема Графомъ Румянцо-

Безъ шѣней, долго зашмѣвавшихъ
Унылый горизонтъ его. —
Ты славу съ щастіемъ дремавшихъ,
О Князь! возставишь для него.

Что внемлю — вижу? .. восхи-
щенье,
Громъ радости страны сея;
Повсюду пламенное рвенье
Приняшь и угостишь ше-
бя.

вымъ, и послѣ до сего вре-
мени не имѣла подобнаго
Начальника.

Здѣсь *Таліи* и *Терпсихоры*

Себѣ швоимъ вниманьемъ
льстятъ ;

И сельскихъ *Нимфъ* просныя
хоры

Весельемъ искреннимъ гре-
мятъ. —

Твой взоръ, улыбка имъ безцѣн-
ны ;

Она имъ слава и вѣнецъ

Сей случай, время незабвенны

Здѣсь будутъ вѣчно для сердецъ !

За эшѣмъ слѣдовали *Польскія* ; попомъ выходили на сцену *Терпсихорины* *Нимфы* и очаровывали взоры разнаго рода танцами ; попомъ прелестныя *Цыганки* восхищали своими ; на послѣдокъ соспавлялись *коншр - данцы*, ко-

шорые оканчивались вмѣстѣ съ бѣлымъ сѣшомъ — и всѣ шесть дней препровождены такимъ образомъ — и всѣ шесть дней гостей почти не уменьшалось — и всѣ шесть дней до сна человѣкъ жили безъ выѣзда и спокойно помѣщались въ *одномъ* домѣ... Да здравствуетъ Буда!... Почтенный Госрь нѣсколь-ко разъ изъяснялся въ удо-вольствіи и удивленіи сво-емъ: „какъ можно здѣсь, въ такомъ мѣстѣ привести все въ такое состояніе!“ гово-рилъ онъ по къ одному, по къ другому. — Съ нимъ былъ и сынъ его, любезной моло-дой человѣкъ, копорой съ своей стороны доставилъ

бществу пріятное удовольствіе своимъ талантомъ: однимъ вечеромъ, до бала, онъ составилъ квинтетъ (*) и игралъ мастерски на первой скрипкѣ.

Между тѣмъ Амуръ не оставался безъ дѣла — и можно ли Амуру не рѣзвиться тамъ, гдѣ Граціи? — Спрѣлки его лешали шуда, сюда; коварной мальчикъ — *enfant gâté* (**) забавлялся! . . .

(*) Изъ музыканшовъ и компаньона своего, молодого человека, которой также очень хорошо играетъ на скрипкѣ.

(**) Виргилій прекрасно характеризуетъ его:

Милой, со всѣми шалостями,
малютка эшопъ любишь
жмурки, и потому, ничего
не видя, кидаетъ оспрыя
спрѣлки — игрушки свои —
безъ всякаго разбора . . .

Наконецъ — прощаюсь съ
Будюю, съ Малороссією, со
всѣми удовольствіями, копо-
рыя находило здѣсь сердце
мое — прощаюсь съ благодар-
ными чувствами, съ живѣй-
шимъ сожалѣніемъ и говорю

Жестокое дѣшя, для коего му-
ченье,

Нещасье наше — смѣхъ, за-
бава, утѣшенье!

Пчела живешъ цвѣтами:

Амуръ живешъ слезами.

ВЪ МЫСЛЯХЪ СВОИХЪ : „УВИЖУ
ЛИ Я ОПЯТЬ ВАСЪ ? БУДУ ЛИ
ОПЯТЬ ВЪ ЛЮБЕЗНОМЪ КРАЮ
ЭТОМЪ ?“ — ЗАВѢСА БУДУЩАГО
НЕ ПОВИНУЕТСЯ СЛОВАМЪ МОИМЪ,
СПОКОЙНО ЗАКРЫВАЕТЪ СЦЕНУ
СВОЮ ! . . . Но Москва передо
мною ; въ ней любезнѣйшіе
сердцу моему ; объятія ихъ
для меня проспершы ; слад-
кія минушы ожидають меня
— до свиданія , милые !

Я могу сказать вамъ съ
Грессеномъ :

Vous me verrez toujours le même :
Mortel sans soin , ami sans fard ,
Pensant par goût , rimant sans art ,
Et vivant dans un calme extrême
Au gré du temps et du hasard.

XLIII.

НАХОДКА.

Упомненный дорогою (*) и самым дурнымъ временемъ глубокой осени, я несказанно обрадовался пракпиру въ городѣ О*. Поспѣшно прохожу комнату, другую, и въ той, копоря долженствовала быть моею на нѣсколько минутъ, я почувствовалъ подъ ногою у себя свернутую бумажку; взглянулъ на нее и увидѣлъ, что она была исписана, но въ усмалости моей мнѣ было

(*) На возвращномъ пути м-емъ въ М*.

не до любопытства. Я спросилъ чаю — выпилъ и ободрился. Бумажка лежала передо мною; любопытство мое ожило; я захотѣлъ узнать, что написано на ней; поднялъ, развернулъ и читалъ слѣдующее:

Знаете ли, что болѣе всего находятъ въ васъ любви достойнаго? . . . Не прелесть терновыхъ глазъ вашихъ, не розы устъ, не бѣлизну зубъ, груди и шеи, не стройность талии вашей, не сладость голоса, разговора . . . объявить ли тайну, которая безъ сомнѣнiя неизвѣстна вамъ? . . . Извольте: молчанiе ваше . . . такъ, оно всего любезнѣе, всего интереснѣе въ васъ . . . Вы удивляе-

тесъ? . . . Жаль, что не лзя
указать вамъ физиономіи вашей
въ минуты вашего молтанія въ
обществѣ! . . . Какія идеи,
какой наблюдательной духъ,
какія глубокія чувства и какъ
ясно въ каждой чертѣ прекра-
снаго лица вашего изображают-
ся въ это время! . . .

Никакая игра глазъ, ни-
какая улыбка, никакое слово
не можетъ столько трогать,
плѣнять, восхищать меня —
конечно и другихъ — сколько
трогаетъ, плѣняетъ, вос-
хищаетъ — молтаніе ваше! . . .
Находите меня страннымъ,
но я вѣкъ останусь при мо-
ихъ чувствахъ.

„И я могъ не посмотреѣшь
эту бумажку!“ повпорялъ я

самъ въ себѣ, радуясь любопытству своему. — „Но къ кому, по снѣ кого, но какъ она попалась сюда?“ — Трактирщикъ ничего не могъ сказать мнѣ. Но что вы скажете объ ней, друзья мои? . . . Что до меня, то — я спрятавъ ее въ поршфѣль мой, какъ дорогую находку. — — Ахъ! какъ бы я желалъ видѣть подлинникъ и живописца его! . . . Щасливый О*! ты заключаешь, можетъ быть, въ себѣ и того и другаго!

К о н е ц ъ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано: читай:

Спран. Спр.

1.	3.	съ Реньяр- домъ	съ Гена- ромъ
1.	4.	самаго	самого
25.	17.	незапная	внезапная
125.	5.	въ церквѣ	въ церкви

40-

